

ВИКТОР УПОЛОВНИКОВ

**На рубеже
веков**

ОБ

16+

84(2)oc-Rus6
у67

ВИКТОР УПОЛОВНИКОВ

*На рубеже
веков*

1. Центральной библиотеке

2. Балаково от автора

за их неоценимый труд

с благодарностью.

132.931-1302 20 сен. 2018г.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗА.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
У67

Уполовников В.И.
На рубеже веков. Стихи, поэма. – Саратов:
Амирит, 2018. – 280 с.

ISBN 978-5-6041371-7-8

Виктор Иванович Уполовников – заслуженный учитель школы РСФСР, общественный деятель. Педагогический стаж – 47 лет.

Имел публикации стихов в периодической печати в Карелии и г. Балаково, в журнале «Волга», в коллективных сборниках «Душевые струны», «Созвучие сердец», «Минуты вдохновения», «Мы всегда победителей дети», «Серебряные нити», «Доброе утро», «Всё начинается с любви», «Радуга XXI в.» и др.

Был призёром областных конкурсов самодеятельных авторов.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

Автор благодарит за оказание содействия в издании данной книги президиум Балаковского Совета ветеранов, генерального директора АО «Балаковохлеб» В.В. Зотова, генерального директора АО «Резинотехника» В.В. Копыльцова, редакцию газеты «Балаковские вести».

ISBN 978-5-6041371-7-8

*Посвящается
жене Людмиле*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ещё В.Г. Белинский писал: «Поэт больше, чем кто-нибудь другой, должен быть сыном своего времени». Это в полной мере относится к автору данной книги. Судьба народа, важнейшие социальные и политические события, проблемы и трудные вопросы времени, подвиг народа в Великой Отечественной войне, мир природы и человека отразились в стихах Виктора Ивановича Уполовникова.

Родившись в 1936 году в с. Перекопное Саратовской области, он испытал все тяготы военного детства и послевоенной юности. Выбрав профессию учителя, он почти полвека отдал народному образованию. Сразу после окончания Петрозаводского педагогического института он был назначен директором восьмилетней школы в Карелии. В тридцать лет стал отличником просвещения, а в сорок четыре – заслуженным учителем школы РСФСР.

Со школьных лет пишет стихи.

В 1963 году семья Уоловниковых переехала в Балаково. В то время в городе было несколько комсомольских строек, и это дало толчок поэту для создания стихов о молодёжи. Его стихи появились в местной печати.

В.И. Уоловников организовал музей боевой славы в средней школе № 16, в которой долгие годы был директором. После выхода на пенсию он более десяти лет возглавляет комиссию по героико-патриотическому воспитанию при Балаковском Совете ветеранов. В 2010 году В.И. Уоловников стал победителем конкурса самодеятельных авторов, объявленного Саратовским отделением Союза писателей. Тогда же вышла его первая книга стихов «О времени и о себе».

Вот что писал в 2015 году о его стихах член жюри областного литературного конкурса критик Иван Пырков: «Виктор Иванович представил на конкурс очень сильные, глубоко прочувствованные, мужественные стихи. Они цельны по форме и содержанию, в них чувствуется хорошая поэтическая школа. Но главное – они честны и правдивы до последней буквы. Не случайно члены жюри единогласно присудили поэту Гран-при».

В книге «На рубеже веков» собраны стихи и поэмы, написанные В.И. Уоловниковым более чем за полвека творческой деятельности. Ему свойственна и широта социального видения, и умение вести с читателями прямой поэтический разговор. Он желанный гость в школах, библиотеках и на других сценических площадках, являясь активным пропагандистом поэтического слова.

*Александр Кензин,
член Союза писателей России,
Анатолий Лушников,
член Союза журналистов России*

* * *

Жизнь – как мгновенье, скоротечна,
А я, наивный, полагал,
Что жизнь моя продлится вечно.
И вот, считай, уже финал.

Не без греха я, были срывы,
Но всё ж хочу, как благодать,
«Души прекрасные порывы»
Тебе, читатель, передать.

И прежде чем почить мне в бозе,
Спешу я вопреки судьбе
Вам рассказать в стихах и прозе
О времени и о себе.

О том, как предки наши жили,
Как всё им было нипочём.
И как Отечеству служили
Всё больше плугом, чем мечом.

Как потеряли мы державу –
Мечту и цель большевиков.
Как поменялись люди, нравы
В стране на рубеже веков.

*Из студенческой
тетради*

* * *

Богиня скромной красоты
Дыханьем прелести согрета.
Предмет несбывшейся мечты,
Мечты романтика-поэта.

Нам дальше вместе не идти,
Судьба готовит нам разлуку.
Прощай, счастливого пути,
Дай на прощанье другу руку.

Я знаю, путь наш каменист.
Он нас ведёт через невзгоды,
Но пусть он будет так же чист,
Как наша дружба в эти годы.

БЕРЁЗКА

Росла берёзка юная
Над быстрою рекой.
Поймать весну бурунную
Хотелось ей рукой.

Услышать песню звонкую
Под взмахами весла.
Тянулась к солнцу, тонкая,
Мужала и росла.

...Сменялись зимы вёснами,
Мы встретились опять.
Берёзка стала взрослою,
Её нельзя узнать.

Берёзку ветры пестуют,
Дивясь её красотой.
Стоит она невестою
С распущенной косой.

И, солнышком разбужена,
Движением руки
Раскинет тень, как кружево,
На синий шёлк реки.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Хожу один без сна
Ночным бульваром.
В радость другим весна –
Сидят пары.

Песню поёт капель
Почти стоустно...
Мне, как в осенний день,
Нынче грустно.

Давно живут враждой
Сердце и разум.
Нет, я не мог с тобой
Порвать сразу.

Я полгода пишу
Слов этих тыщи.
И о встрече прошу,
Словно нищий...

1956 г.

ПОД ДОЖДЁМ

Дождь всю ночь барабанил по стёклам.
И наутро – опять карусель.
Телогрейка – хоть выжми! – промокла.
И земля – не земля, а кисель.

Не пройдёт ни комбайн, ни копалка,
Даже конь здесь едва ли пройдёт.
А картошку до слёз тебе жалко:
Не успеем убрать – пропадёт.

То орудовала ты лопаткой,
То носила ведро торопясь.
На руках у тебя не перчатки –
Студит тело холодная грязь.

Врач, наверно, сказал бы: «Уйди,
Грипп получишь...» Она отмахнётся.
И причём же здесь, доктор, дожди,
Если сердце удвоенно бьётся?..

НЕГР

(встреча на фестивале)

Знал про пески подвижные,
Джунгли и солнце палящее,
Африку знал я книжную,
А вот она – настоящая.

Не кожа землистого цвета,
Не зубы своей белизной –
Манил меня взгляд этот светлый,
Как будущий день, новизной.

Мускулы – как налитые...
Что-то не верилось мне:
«Слушай, товарищ, да ты ли...
В Африке, как в тюрьме?

Если так, то когда ты
Цепи позорные сбросишь?»
Но жесты – язык небогатый:
Не скажешь всего и не спросишь.

Губы кусал от обиды,
Что слов у меня этих нету.
...Высились, как пирамида,
Здание университета.

Молча слова искали –
Я в русском, а он в английском.
«Good bye!» – и руку тисками
Сжал мне, как самому близкому.

И что-то добавил, словно
Клятву давал при этом.
Я понял одно лишь слово:
«Советы». «Советы!»

Казалось, тогда мне вторили
Тысячи чёрных негров,
Грозно, как воды Виктории,
Оковы свои низвергнув.

Знал про пески подвижные,
Джунгли и солнце палящее,
Африку знал я книжную,
А вот она – настоящая!

1957 г.

* * *

Я свято сохрани воспоминанье,
Я буду помнить, помнить и беречь
И счастье первого полночного свиданья,
И горечи последних наших встреч.

И никогда я клятву не нарушу,
Я благодарен до последних дней
За то, что ты мою сконную душу
Согрела щедрой красотой своей.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Видел я в весеннем шумном парке
На аллее около берёз:
Девушке красивые фиалки
Парень, улыбаясь, преподнёс.

А она, счастливая, зарделась,
И лицо напомнило зарю...
Не ревную, мне до них нет дела:
Я ж тебе букетов не дарю.

И не потому, что я не знаю
Этих давних человечьих норм.
Просто мне стипендии хватает,
Извините, только на прокорм.

Да и ты не ведала искусства
Красить губы или править бровь.
Мы с тобою признавали чувство,
Чувство под названием любовь.

Это чувство с места горы стронет.
(У любви особые права!)
И его не уместить в ладони,
Не вложить в стихи или слова.

Ни цветов, ни денег мне не жалко,
Хочешь – нанесу тебе корзин.
Только счастье – это не фиалки,
Что весной завозят в магазин.

БАЛЛАДА О КРАСНОЙ КОСЫНКЕ

Красную косынку –
Пролетарский цвет –
Девушка надела
В восемнадцать лет.

И ушла Советы
Защищать с отцом
Юной санитаркой,
Доблестным бойцом.

Рану перевяжет,
Остановит кровь.
Красная косынка,
Девичья любовь...

Был отряд однажды
Окружён в степи.
Комиссар в атаке
Как герой погиб.

И тогда косынка
Впереди взвилась –
Боевого знамени
Крохотная часть.

И не страшен больше
Вражеский свинец.
Поднялись ребята,
Как один боец!

Красная косынка
Вся в крови, в поту.
Годы пролетели –
Цвет тот не потух.

Цвет, вперёд зовущий,
Неугасный цвет...
Ты надела дочери
В восемнадцать лет

Красную косынку.
С гордостью в груди
И сейчас их носят
Те, кто впереди!

НА КОНЦЕРТЕ

Концерт студентов – афиши на стенах,
В клубе почти весь посёлок собрался.
Не раз и не два выходил я на сцену,
Но так, как сегодня, не волновался.

И даже, пожалуй, не меньше, чем в первый
Свой выход на сцену в сельском клубе...
И раньше не раз подводили нервы,
Но только не так, чтоб дрожали губы.

Но только не так, чтоб дыханье неровное...
А всё с пустяка, что смешно сказать.
Советовали: «Прочти что-нибудь любовное»,
А я Маяковского решил читать.

Да. Маяковского. Вызов брошен
Тем, от которых я слышал не раз,
Что, мол, Маяковский поэт хороший,
Но только беда – непонятен для масс.

«Неправда, поймут, к кому же другому
Сердце лежит класса рабочего?
А вдруг...» И меня опустило в омут,
Потом на песок раскалённый бросило.

Но поздно. И глупо уже отступление.
Ведущий торжественно, словно диктор:
«Сейчас «Разговор с товарищем Лениным»
Прочтёт студент Уоловников Виктор».

На сцену иду из-за кулис темени.
И голос в спину как нож неприятен:
«Да что там... пустая трата времени.
Читай, не читай – всё равно не понять им».

Как будто под ношей дрожат колени,
У всех на виду, перед взглядом стоглазым:
«Двое в комнате: я и Ленин»,
И тишина невероятная сразу.

Казалось, что каждый душу вкладывал
Вместе со мною и в слово, и в жест:
«Товарищ Ленин, работа адовая
Будет сделана и делается уже».

И люди сидят изваянийтише:
Даже малыш прекратил игру.
И только кто-то изрядно «хвативший»
Бубнит надоедливо в дальнем углу.

Ему, что «хватил» для чего – не для шику ли?
Ему ли понять этот огненный стих?..
Но на него осуждающие шикнули.
И он на секунду-другую затих.

Мой голос гремит, так гремят на порогах,
Препятствие встретив, потоки воды:
«А рядом с этим, конечно, много,
Много разной дряни и ерунды».

Тот пьяный в углу опять чертыхался,
Пиджак нараспашку, сильный и молодой.
Не знаю как всем, а мне он казался
Этой самой дрянью и ерундой.

Я кончил. И парни его за двери,
Как вещь ненужную, выставляют.
А зал рукоплещет. Так кто же не верит,
Что Маяковского здесь понимают?!

1957 г.

* * *

Горячую, до ярости –
Целуй, чтоб губы в кровь...
Давай до самой старости
Хранить свою любовь.

Пускай идёт в сражения
С припадками тоски
Любовь до сердцежжения,
До гробовой доски...

1958 г.

НИКОЛКА

(поэма)

Давно в родном kraю я не был,
Но в представлениях не слеп,
И знаю, как под жарким небом
Рождается заволжский хлеб.
Проедешь сотню километров –
Ни деревца и ни реки,
Но здесь рождаются не мэтры,
А жилистые степняки.
А почему? Чем небо жарче,
Чем в январе мороз лютей,
Тем по весне тюльпаны ярче
И крепче стержень у людей.
Я каждый день творю молебен
Родной stepи, как образам:
Полынnyй воздух мне целебен,
Он мне полезен, как бальзам.

В stepи нам выпало родиться,
Но ты об этом не жалей.
Наверное, красивей Ницца.
Но только Родина – милей.
Хлеба... Раздолье-то какое!
Полям конца и края нет.
На Узене Перекопное
Стоит две сотни с лишним лет.

Сухим степным ветрам открыто,
То урожай, то недород...
Оно и этим знаменито:
Здесь начался орловский род.
При встрече мне с печалью горькой
Поведал мудрый старожил:
«Здесь наш Орёл, Орлов Николка,
Когда-то голову сложил.
А толку что? Ведь люди – овцы,
Идут, куда ведёт баран...
Или живут перекопновцы
Зажиточней заморских стран?
Живём почти, как жили деды,
Хоть кровь лилась... а толку нет».
И мне седой земляк поведал
Одну из тамошних легенд.

Глава I

...Их пращур был из-под Тамбова.
Он ради воли и земли
Примкнул к ватагам Пугачёва,
Когда к Саратову те шли.
Он смастерили мушкет заранее
И к пугачёвцам голь привёл.
Ведя на приступ их, израненный,
Он кличку получил Орёл.

За Волгой «царская колонна»
Едва спаслась. Но дальше – швах.
Орёл же избежал полона,
В узенских скрывшись камышах.
И разлилось в народе горе,
И кандалы по всей Руси...
На Узене же дичи – море
И по два фунта караси.

Орёл здесь долго хоронился.
Есть воля, дичь, земля, вода.
Землянку выкопал. Женился.
Так и остался навсегда.
На Узени с времён Емельки
Бежал отчаянный народ.
И здесь, на вольной на земельке,
Орловский и прижился род.

Глава II

Орлов Николка был шустрее
Своих товарищей-друзей.
На зависть им он всех быстрее
Переплывал на спор Узень.
А в десять лет уже Николка
Умел Карюху запрягать,
Хоть был ещё пониже холки.
Умел косить, умел строгать.

Сильней его найдёшь едва ли,
Не лез он в драки напролом.
Не зря, как прадеда, прозвали
Николку на селе Орлом.

Отец крестьянствовал. В поле
Хлеба растил, кулеш варил
И о крестьянской тяжкой доле
С Николкой, сыном, говорил.
Певал про Стеньку песни часто.
И, чуть хвативши первача,
Он утверждал: лет полтораста
Прошло здесь войско Пугача.
И в редкий час исповедальный
Клялся, молитву сотворя,
Что он-де есть потомок дальний
Того, казацкого царя.
Отцу Пугач и Стенька – любы.
И степь заволжская вольна.
Но жизнь нарушилась вдруг грубо –
Пришла германская война.
И так случилось, так уж вышло:
На третий год войны зазря
Отец погиб под Перемышлем,
Как говорили, за царя.

А в Питере уже шатался
Вовсю романовский престол.
Потом он рухнул. И прорвался
Дух вольности в степной простор.
Семья не бедствовала чтобы,
Трудясь в хозяйстве день-деньской,
Николка бросил враз учёбу,
Три класса кончив приходской.
Они, как бога, коровёнку
Все чтили, как священный лик,
Вся их семья: мать, три сестрёнки
И он – единственный мужик.
Николка малый знал достаток.
С нуждой он с детства был знаком:
Корова, лошадь, кур с десяток
Да в два окна саманный дом.
Хоть он имел костюм приличный,
Но верил: правда не в ногах.
Он кое-как ходил обычно
И только в праздник – в сапогах.

Глава III

Весной семнадцатого года
Пришёл из Петербурга матрос,
И слово сладкое «свобода»
В Перекопное он принёс.

Матрос Рогожин был соседом,
С Николкой толковал про жизнь,
Про пораженья и победы,
Про большаков* и коммунизм.
«Земля – крестьянам!» Лозунг этот
(И «Миру – мир!», «Мы – не рабы!»)
Воспламенил тогда планету,
Россию поднял на дыбы.
Декрет из Питера добрался,
Он – как набат, на всю страну.
Николка, как и все, ввязался
В большую, долгую войну.

Глава IV

Был Гришка парнем неказистым,
С Николкой в спор вступал не раз.
Он был успешным гимназистом,
Уже кончал последний класс.
С Николкой, так или иначе,
Он с детства был ещё знаком,
Хоть Гришка был чуть-чуть богаче:
Его отец слыл кулаком.

*Большак – так в отдельных областях России в годы Гражданской называли большевиков.

Имел он мельницу, верблюдов,
Кирпичный дом во всей красе.
Его отец, купец Неклюдов,
Известен был округе всей.
По первозимью до Покрова
С большим обозом или без
Возил пшеницу в Балаково,
Обратно – ситец, рыбу, лес.
Имел мошну, как говорится,
Его ничем не удивишь...
Тогда заволжскую пшеницу
Ценил и Лондон, и Париж.
А это – он усвоил с детства –
Всё шло к тому, что будет так,
Ждало Григория наследство:
Дом под железом и ветряк.
За кем идти? Был спор до дрожи.
Давали волю кулакам.
Николке свет в окне – Рогожин,
А Гришка двинул к казакам.

Там, на Урале, взвилось знамя:
«За Русь! За веру! За царя!»
Никто не знал, что будет с нами.
Никто, по правде говоря.
Про землю спорили немало,
Но правда не для всех одна.

И загорелась, запылала,
Как вихрь, Гражданская война.
И что веками было свято,
Переменилось всё с лица –
Пошёл с войною брат на брата,
А сын – на мать и на отца.
Орловых не было средь партий,
Но что уж тут ни говори,
Но тяга к воле, тяга к правде
Всегда была у них в крови.
И чтоб покончить с долей горькой,
Поверив сердцу и словам,
И без раздумий долгих Колька
Примкнул тогда к большевикам.

Глава V

Николка помнил: только вишни
Чуть зацветали у реки,
Они играли в «третий лишний»,
А ближе к лету – в казанки*.
Тогда в нечастых играх этих
Николка тоже шустрым был.
Тогда и Настю заметил.
А чуть попозже – полюбил.

*Казанки – местное название игры в бабки.

Стройней Настёнки нету девки.
Она не девка, а огонь...
И голосистые припевки
Никто не пел так под гармонь.
Николка не был неумейкой –
Он к сердцу Насти ключ нашёл...
Потом вовлёк её в ячейку,
А уж потом и в комсомол.
И к ним подходит этот случай,
Когда, доверием горя,
Они вдруг стали неразлучны
И стали близки, как друзья.
Николка – комсомолец юный,
Не зная толком, что к чему,
Готов был всё отдать в коммуну,
Но только Настю – никому.
И все завидовали паре.
И правда – лучше пары нет.
...И стал Николка комиссарить
В свои неполных двадцать лет.

Глава VI

Стал Николка комиссаром.
И в селе своём родном
Он боролся с бытом старым.
И с попами заодно.

Не любил попов он с детства.
Здесь уж совесть не зови:
Видно, это – по наследству,
Видно, это – по крови.
И коль факт такой случился,
Что уж тут паниковать.
Он учил и сам учился,
Стал народом управлять.
До работы был он жадный.
Жил по правде, не юля:
Батракам и безлошадным
Щедро землю выделял.
С комсомольцами в уезде
Возглавлял культурный фронт.
Из села в село он ездил,
Проверяя книжный фонд.
Проверял библиотечки.
Ну, а принцип был простой:
Всех дворян и графов – в печку.
Даже если граф – Толстой.
Вековой уклад нарушив,
Что уж там ни говори,
И дедов он, и старушек
Посадил за буквари.
И заметно, что в народе
(Хоть и малые шажки)
Кумачовый цвет стал в моде:
И косынки, и флагги.

Посещал он именины,
Где народ навеселе...
Майи, Розы, Октябрины
Появились на селе.
И хотя ворчали деды,
Что обычьям вопреки,
И Мараты, и Альфреды
Тоже стали нередки.
Всё былое низвергали,
Как обычные дела.
И фамилию меняли,
Благозвучней чтоб была.
Со значением при этом:
Иль Любимов, иль Сладков.
Утверждалась власть Советов
В жарких спорах. Нелегко.
Но на моду не поддался
(Нет, Николка не таков!)

И с фамилией остался
Он с прпрадедской – Орлов.
Стал ходить в кожанке старой,
Полюбил он красный цвет.
...Комиссары, комиссары
Двадцати неполных лет...
Сотни маленьких и рослых
Пробивались в жизнь плечом.
То, что невозможно взрослым,
Всё им было нипочём...

И не счесть путей пройдённых
Под шрапнелью и грозой.
Мчались лавой вы с Будённым,
Гибли в топках, как Лазо.
А на митингах горластых –
Хоть умри, но не солги!
Вас за эту правду часто
Пулей метили враги.
Вас стреляли, вас рубили.
Но у мира на виду
Больше жизни вы любили
Эту красную звезду.
Разгоняли тьму, сонливость,
И у всех достаток чтоб...
Утверждали справедливость.
Чтобы не было трущоб.
В убежденьях непреклонны,
Как и в дружбе, и вражде,
Заменили вы иконы
На портреты их вождей.
Ради жизни, не для славы
Утверждали красный цвет.
Комиссары, комиссары
Двадцати неполных лет...

Глава VII

Давно уже кончились в клубе танцы,
И петухи уже утро будили,
А они никак не могли расстаться –
Всё по дорожкам вдвоём бродили.
Счастливые оба, Николка и Настя.
Ну что тебе нужно ещё? Скажи.
Когда оно рядом с тобою – счастье,
Волосы цвета поспевшей ржи!
Когда они рядом – губы, как вишни,
Когда любовью душа полна!..
Друзья далеко за окопицу вышли,
Над степью – как диск раскалённый – луна.
Всё было здесь близко, знакомо Николке:
Стался под ноги горошек дикий,
Пырей, наклонившись к земле метёлкой,
Выставил в стороны листья, как пики.
Им кто-то под ноги с полей необъятных
В охапках принёс белозубой ромашки,
И запах душистой полыни и мяты
Смешал с опьяняющим запахом кашки.
Они бродили и вместе мечтали.
(Хорошо мечтается молодым!)
Полынь белёсая в лунной дали
Застыла над речкой, как сизый дым.

132931-1

33

А дальше чернели покосы и пашни –
Родимой земли непонятная сласть.
«И всё это, Настя, теперь стало нашим,
Всё отдала нам Советская власть.
Я вижу, как степь наша вся колосится,
Как хлебом богатым славится.
Вот у тебя сейчас кофта из ситца,
А будет – какая понравится».
Мечтали долго и интересно:
Новую жизнь даёшь на Земле!
А о ней, этой жизни, им было известно
Меньше, пожалуй, чем нам о Луне.
Мы слово «ячейка», не зная, забыли,
Мы только по книгам дрались с беляками,
А эти колумбами новыми были,
Жизнь создавая своими руками.
«Школу построим в селе большую,
Хочешь учиться – иди и учись.
Эх, погоди, разобьём всех буржуев,
Знаешь, какая наступит жизнь!»...
Они говорили о самом заветном,
О самом главном своём желанье,
И время приблизило незаметно
Такой нежеланный час расставанья.
Но долго ещё степь притихшая слышала
Их разговор над рекой у калины.
Уж небо зарю золотистую вышило,
Окрасило небо до половины.

Последняя звёздочка скрылась бесследно
Там, где минуту назад мерцала.
И луна, от прохлады утренней бледная,
В облачко куталась, как в одеяло.
Пора! У калитки поцеловались
Торопливо и молча, как всегда.
Да кто из них знал, что они расставались,
Чтобы не встретиться никогда.

Глава VIII

Ночь по оврагу ушла невидимкой.
Окна закрывши, как будто глаза,
Спят ещё избы в сиреневой дымке,
Ночью в селе бушевала гроза.
Как на побудке сигналы горниста,
Еле доносится крик петуха.
«Ну, покажи-ка своих коммунистов.
Мы из них вытряхнем потроха».
Жадно смотрели, как зверь на добычу,
Басов и Гришка, оба в бинокли.
После седла на стогу непривычно:
Сено сырое, и брюки промокли.
Третью неделю уже по уезду
Рыскали басовцы волчьей стаей,
Сёла сжигали, громили разъезды,
Тучей средь белого дня вырастая.

Гришка бандитом стал самым отпетым.
Глаз намётанный, как у ищейки:
«Председатель Совета живёт в этой,
А в этой избе – секретарь ячейки.
С Богом!». И кони рванули рысисто,
Не по дороге, а прямо, жнивьём.
«Слышите, хлопцы, всех коммунистов
Ведите ко мне живьём».

Глава IX

В седой паутине оконце,
И в этот полуденный час
В него заглянуло солнце,
Может, в последний раз.
Думал, гадал ли ты, Колька,
Таким беспомощным быть?
Во рту пересохшем горько.
Теперь воды бы испить.
Теперь бы на Дальнем броде
Прыгнуть в реку головой...
А за окошком ходит,
Как маятник, часовой.
«Выручат, может?». Едва ли:
Замок на двери повис.
Колька один в подвале
Да, может, с десяток крыс.

За дверью звенит железо,
Где-то набат гудит.
Голос сорванный резок:
«Эй ты, щенок, выходи!»
Вышел. От света жмурился.
Солнце над головой.
Справа и слева, как улица,
Конный стоит конвой.
Лица мертвы, как камень.
Сабли у всех – наголо.
Со связанными руками
Идёшь ты родным селом.
Рыжие, карие масти...
Конвой полукругом встал.
А ты всё глазами Настю
В тесной толпе искал.
Может, как извернулась,
Может, где-нибудь тут?
Снова толпа всколыхнулась.
И шёпот: «Ещё ведут».
Идут под конвоем ребята:
Фёдор, Иван, Сергей.
Смотрят вокруг виновато,
Будто стыдясь людей.
А впереди – Рогожин,
Кровь запеклась на груди.
«Значит, схватили тоже.

Значит, я не один.
Почти вся ячейка. Несчастье...
Видно, бандиты везде.
Где же вот только Настя?
Где моя Настя, где?..»
К ветру бросал вопросы:
«Где моя Настя? Скажи...»
...Нет, не видать тебе косы
Цвета поспевшей ржи,
Не целовать тебе губы –
Нежный вишнёвый цвет,
Не провожать из клуба.
Нет больше Насти, нет.
Всмотрись внимательней в лица.
Правду узнай, не дрожа.
Вот он её убийца.
Взгляд – как удар ножа!
Главарь этой шайки Басов,
В сукне с головы до ног.
А рядом Гришка часто
Крутится, как сосунок.
Что-то шепчет на ухо,
За словом не лезет в карман:
«Эй ты, народ, слушай!»
Встал в стременах атаман.

И он сказал, между прочим,
Длинную речь, итожа:
«Теперь с Советами кончено,
С большевиками – тоже.
Быть посмирней советую...»
Важно провёл по усам.
«Развяжите руки этому.
Я с ним говорить буду сам».
Врезался тонкой резьбою
В руки верёвки след.
«Хочешь, возьмём с собою?»
Колька молчит в ответ.
«Жизнь ведь дороже на свете,
Чем Советы твои.
На, заруби вот этих
И хоть до ста лет живи.
Противиться нам негоже.
Иди коли, как ягнят».
Он указал на Рогожина
И остальных ребят.
«Ты жил, ключка не имевши, –
Земли, сколько хошь, дадим...»
А Колька – толпе онемевшей:
«Мы их всё равно победим!
Нет, ни за что не будет
Колька Орлов подлецом!»
И, воздух вдохнув всей грудью,
Плюнул бандиту в лицо.

Злобно взвыла вся свора:
«Ах ты паршивый щенок!»
И голубым метеором
Рядом сверкнул клинок.
Душно и страшно стало.
Толпа испуганно: «Ох!»
Рука повисла устало
И плетью легла у ног.
Падала в пыль дорожную
Кровь из его руки.
Женщины осторожно
Всхлипывали в платки.
А ты поморщился только,
Нервы зажав узлом.
Нет, не напрасно Кольку
Звали в селе Орлом.
«Прощайте, друзья, так нужно».
И, будто готовясь в бой,
Обрубок руки, как оружье,
Он поднял над головой.
Но ты не успел, Николка,
Слова не досказал.
Так бьётся стекло на осколки –
Звякнул недружно залп...
Кричали долго и горько
Грачи над родным селом...
Нет, не напрасно Кольку
Звали друзья Орлом!

Глава X

Вы связаны, вы скручены,
Повязаны судьбой.
Здесь, у речной излучины,
Был ваш последний бой.
Качают кони мордами,
Безлюден пыльный тракт.
Избитые, но гордые,
Они запели в такт.
Слыхала степь широкая,
Слыхал ковыль-трава
Простые, но высокие
Прощальные слова:
«Смело мы в бой пойдём
За власть Советов,
И как один умрём
В борьбе за это».
И залп!.. Смертельной мглой покрылось
Всё: церковь, вётлы и ветряк.
Не их вина, что так случилось,
А их беда, что вышло так.
Ах, комиссары... А не вы ли
Подняв Россию на дыбы,
Хотели Землю осчастливить
И чтоб самим счастливым быть?

Сердца у вас рвались на части,
Вы шли за солнцем через тьму.
Но не убить вам тягу к счастью.
Не истребить, как жизнь саму.
Как по известной поговорке,
Уж так в России повелось,
Не всё, о чём мечтал Николка,
Не всё свершилось и сбылось.
И дай нам Бог в час испытанья
Не дрогнуть духом, не упасть.
Постичь народное признанье,
Не рассуждая, чья там власть.
Иль власть вождя, или оравы,
Власть доллара иль божества.
Та власть на жизнь имеет право,
Когда она от большинства.
И власть любая, как известно,
Решает, быть или не быть.
Ей всё подвластно. Только песню
Ей нипочём не истребить.
Почти столетье... Срок недолгий.
И рад я, что в родном kraю
Поют про степь, поют про Волгу,
Про Стеньку Разина поют.

Деревня моя...

Нас почему-то тянет всех в деревню
Из шумных бесшабашных городов.
Не потому ль, что предки все издревле
Трудились там за тысячи годов.

Не потому ль трава там зеленее,
Берёзка на просторе хороша...
Не потому ль там чувствует вольнее
Широкая российская душа.

Там, как друзья, живут сосед с соседом,
Где слаще вкус у яблок и у груш,
Я в том числе поэтому уеду
В безвестную саратовскую глушь.

НА РОДИНЕ

Любови Панкратовой

Как ложка дорога к обеду...
И вот, когда наступит срок,
Проститься с Родиной приеду
В Перекопное на денёк.

Пройду один по Зеленовке,
Она всё также зелена.
Домишкы старые в обновках,
Чилига, домна, белена.

Уж нет друзей, родных, знакомых,
Я задержался на земле,
Саманный холмик вместо дома
Опять тревожит сердце мне.

Пойду на скошенное поле,
Как сердце рвётся от тоски –
Здесь ежегодно после школы
Мы собирали колоски.

Послевоенная разруха...
Меню колхозных детских лет:
На завтрак – миска затиухи
И ши пустые на обед.

Мой брат совсем не вышел ростом,
Как говорится, Бог не дал,
А объясняется всё просто:
Ему б расти... он голодал.

И как об этом не судите,
Но это трудно объяснить.
Отец наш – воин-победитель
Не мог семейство прокормить.

В войну отцы дошли до Праги
И чашу выпили до дна.
Да, это тоже было правдой –
Голодовала вся страна.

Счастливым детство мы считали
И, как грибы после дождя,
Росли, взрослели, почитали
Портреты строгого вождя.

Стою в степи. Полынnyй запах,
Заросший пруд и тихий плёс –
Степная Русь... Да, здесь не Запад.
Вот здесь родился я и рос.

В других краяхолжизни пройдено,
Где оборвётся жизни нить?
А всё же Родина есть Родина,
Её ничем не заменить.

ЗЕЛЕНОВКА

Виктору Бубнову

Меж Лиманом и пыльной Бугровкой,
Посчитай посреди села,
Звали улицу Зеленовкой,
И была она зелена.

Зелена не цветами пышными
И не ивами над водой,
И не грушами, и не вишнями –
Сплошь покрыта была лебедой.

И ромашкой ещё до колена.
И той памятной лебедой,
Той, что в годы послевоенные
Нам частенько была едой.

Не черёмухой иль смородиной,
А степями в полынnyй зной,
Моя малая, милая родина,
Ты известна в стране родной.

А ещё знаменита по-прежнему,
Как и сто, как и двести лет,
Золотыми хлебами безбрежными,
Лучше в мире которых нет...

Нас на родине мало осталось –
Все саратовцы да москвичи...
Здесь Сухинин Василий Палыч
Слову русскому нас учил.

А учили нас, видно, неплохо –
Постигать трудной жизни язык.
Как никак, а считай эпоха
С нами связана напрямик...

И до смерти мне не забудется:
Вётлы гибкие над прудом,
Зеленовка – Зелёная улица
И на ней наш саманный дом.

НАСЛЕДСТВО

*Отцу, участнику
Великой Отечественной войны*

Я помню «счастливое детство»
(На рот не накинешь платок).
Отец мне оставил в наследство
Надёжный, как сталь, молоток.

Ещё он оставил науку,
Как жить мне на этой земле:
«Хоть жизнь – это хитрая штука,
Но был бы лишь хлеб на столе»...

Его осуждать я не вправе,
Как вспомню, так сердце болит...
А что он ещё мог оставить
В наследство, солдат-инвалид?

Мы с голода не умирали,
Хоть грязь на ногах, как носки,
Преступно в полях собирали
Спасительные колоски.

Но боль становилась тем резче
И слёзы текли, не смешки,
Когда хамоватый объездчик
Вытряхивал наши мешки.

Счастливое детство... Нам лгали,
А в городах без затей:
«Придёт вот колхозник!» – пугали
Ещё несмышлённых детей.

Всё ищем в народе изъяны –
Ленив он, беспечен и пьян...
Чтоб жили безбедно Хуаны,
Затягивал пояс Иван.

Не он виноват, что им дали
За нашу Победу под дых,
Что дети героев сосали
Скоту предназначенный жмых.

Не он виноват, что так «крутко»
Под сенью победных знамён
Мы жили. И был нам из фруктов
Доступен лишь только паслён.

...Теперь, как и раньше, «элита»,
Едва лишь прорвавшись во власть,
Сумела преступно, открыто
И нагло народ обокрасть.

Неужто совсем обалдели,
Что в обществе милых Жоржет
Съедают они в Куршавеле
За час годовой мой бюджет?

Куда нам от этого деться –
Опять обещаний поток...
Я сыну оставлю в наследство
Всё тот же стальной молоток.
И, может, в придачу от сердца
Ещё и свободы глоток...

РЕЧКА МАЛЫЙ УЗЕНЬ

Брату Саше

1

Ты скромна, как девчонка,
И безмолвна, как тень.
Ах ты, речка-речонка,
Речка Малый Узень.

Камыши невысоко
Над тобою стоят,
Тальники да осока –
Вот и весь твой наряд.

Речка малая эта –
Кулику до колен –
Всех мальчишек на лето
Забирала ты в плен.

В неизведанной дали
Затерялся твой след...
Мы с тобой не видались
Будто тысячу лет.

Белой северной ночью,
За собою маня,
Синей Ладоги очи
Колдовали меня.

Уводили лесами,
Где ручьи чище слёз,
Хороводы красавиц
Заонежских берёз.

Под осиновый лепет
Рвал я ландыш лесной,
А мне чудились степи
И тюльпаны весной,

И родное крылечко,
И хлеба в полный рост,
И невзрачная речка
За две тысячи вёрст.

...Вот и снова я дома:
Тихий вечер, теплынь
И пахнула знакомо
Горьковато полынь.

Ею я захлебнулся,
Будто запахом роз:
Я пришёл, я вернулся
В край, где жил и где рос.

Ты скромна, как девчонка,
И безмолвна, как тень.
Здравствуй, речка-речонка,
Речка Малый Узень.

1967 г.

*Владимиру Зотову,
земляку*

2

В нашем детстве речонка,
Что текла вдоль села,
Для мальчишек, девчонок,
Как подружка была.

...Ты сейчас полноводна,
Переплыть не берусь.
И тебе всенародно
Я в любви признаюсь.

Тебя Волга питает
Широка, глубока...
Всякой рыбы хватает
Для утех рыбака.

Но меня, по секрету,
Не рыбалка влечёт.
Мне увидеть бы летом,
Как Узень наш течёт.

Я туда вновь приеду,
Где полынная ширь...
Здесь родных уже нету,
Вместо дома – пустырь.

Мне увидеть неймётся,
Не пойму почему,
Журавля у колодца
И дорожку к нему.

Не могу наглядеться
В речку, полную всклень,
В речку нашего детства,
В речку Малый Узень.

2017 г.

ПЕТУХИ

Анатолию Лушикову

Мы всегда чуть-чуть с дуринкой жили,
Хоть свою и чуяли вину.
Но вот так вот землю не губили,
Но вот так не рушили страну...

Заросли поля чертополохом,
Затянуло ряской пруды.
Никогда мне не было так плохо,
Как сейчас, от нынешней беды.

Нет крестьян. Есть жители деревни.
И порой подступит к горлу ком:
Не всегда здесь, чтя обычай древний,
Угостят вас хлебом с молоком.

Нет коров и рук мужских не стало,
Лишь старушки возле изб тихи,
Не поёт жалейка, как бывало,
Изредка горланят петухи.

Петухи – задиристые птахи,
Вы царями были во дворе...
В разноцветных шёлковых рубахах
Молодых будили на заре.

Их всё меньше. И напев сменился.
И не гонит стадо в степь пастух...
Но лишь дух российский не смирился,
Не откукарекал наш петух!

...А Москва, знай, врёт и веселится,
К сельской жизни интерес потух,
Но в народе не сломился дух
И деревня всё же возродится,
Коль горланит средь двора жар-птица,
Наш российский озорной петух!

Дай нам, Бог, свою беду осилить,
Ведь не вся страна из дураков...
Без деревни не бывать России
И России нет без петухов!

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕРЕВНЕ

*Анатолию Гладкову,
однокласснику*

Я жизнь прожил по разным городам,
Но за станком не постоял ни смены.
Родился я в деревне. И туда
Всю жизнь влекут таинственные гены.

Мы выросли средь сельской детворы
В простом колхозно-дедовском обличье.
И были нам саманные дворы
Россией всей, во всём её величье.

Ещё до школы мы должны уметь
Встречать из стада Жданку или Милку.
Вилами в десять лет могли владеть,
А в двадцать лет владеть учились вилкой.

Тогда мы разлетелись, кто куда:
Кто в армию, кто замуж, кто в столицу.
Прошли, промчались многие годы,
И не пришлось в село нам возвратиться.

**Мы жизнь свою подняли на горбу,
Хотелось нам скорее свет увидеть.
Мы не в обиде на свою судьбу
И на страну мы тоже не в обиде.**

**Я разучился лошадь запрягать –
Всё больше на авто теперь я езжу.
В селе мораль уже не так строга –
Другие взгляды, лица и одежды.**

**...Сюда меня желанье привело,
И душу гложет горькое сознанье,
Что, может быть, и рушится село
Из-за нехватки наших рук и знаний?!**

ДЕРЕВНИ СТОИ

Разорили деревню по-дурости,
А кичились, что всё – по уму...
Никаких резолюций окружности
Ей, деревне, уже ни к чему.

И к кому здесь предъявишь претензии,
Ни виновных, ни праведных нет:
Половина из них уж на пенсии,
А другие ушли на тот свет.

Чем утешу я тётушку Настю?
Что наказан её лиходей?..
И считает она с пристрастием
Свою пенсию в тыщу рублей.

1995 г.

*Алексею Степанову,
контр-адмиралу*

Простые деревенские ребята,
Вы тяжкий крест тащили на себе...
И хоть всю жизнь прожили небогато,
Вы благодарны всё равно судьбе.

Вы благодарны за полынный воздух,
Что бегали босыми по траве,
Что видели на небе ночью звёзды,
Которые невидимы в Москве...

И что не мерседесами гордились –
Упругостью велосипедных шин,
Что вы России тоже пригодились,
Как Жуков, как Гагарин и Шукшин.

Они ведь тоже родились в деревне,
Они во двор ходили по нужде...
Всегда в России, новой или древней,
Была деревня главною в судьбе.

И никуда от этого не деться,
Хоть ты судьбу милуй или карай.
И до сих пор вам снятся сны из детства:
Узень ли Малый иль Большой Карай.

2013 г.

ОДА ДАЧЕ

Здесь зори ясны и тихи.
И, чтя обычай древний,
Поют на зорьке петухи,
Как где-нибудь в деревне.

Проснёшься. Выйдешь на крыльцо
Застылыми ногами,
И брызнет солнышко в лицо
Приветными лучами.

Ещё, наверно, город спит,
Не слышен гомон птичий,
А здесь уж жизнь во всю кипит
Во всяческом обличье:

Лелеет розочки свои
Заботливо соседка,
И уж базарят воробы
В шиповнике на ветках.

Хватает усиком-петлёй
Траву огурчик ловко.
Уже охотятся за тлёй
Проворные коровки.

Понагибаешься у клумб –
Забудешь про фигуру.
Вам тут и ультра фитнес-клуб,
Вам тут и физкультура.

Мне сыплет щедрые дары
Из ящика Пандоры
И яблок светлые шары,
И чудо-помидоры.

Орех и жимолость растут –
Моих трудов отрада.
Дарит великолепный куст
Мне грозди винограда.

А аппетит-то, аппетит
(И это не бравада!..)
И мне никто не запретит,
Что есть и что не надо...

Я – здесь хозяин! Властелин!
Учу доход и траты.
Мне не грозит холестерин
И прочие нитраты.

Ещё чем дача хороша –
Хоть рано или поздно,
Ведь отдыхает здесь душа
И пьёт целебный воздух!

Я не приемлю глупой лжи,
Увы, не обессудьте,
Хоть жизнь всю в городе прожил,
Но сельский я по сути.

С утра рыхлю, полю траву –
Весь день, как негр, батрачу.
А что понравится – сорву
И съем. Люблю я дачу.

И будет ужин – будь здоров!
Всё с дачными дарами.
...Не слышно к ночи петухов
И пахнет шашлыками.

ГИМН ЗЕМЛЯНИКЕ

Её и любят, и растят
От мала до велика.
В любом краю России сад
Имеет землянику.

Она от хвори вас спасёт
И разных прочих тягот,
Не зря её прозвал народ
Царицей русских ягод.

Зимой, когда снега метут,
То наших рук творенья
Вознаградят за летний труд
Компоты и варенья.

Хоть обойди весь белый свет
Сады Руси великой –
Вкуснее в мире ягод нет,
Чем наша земляника.

2014 г.

Прозрачен близкий перелесок,
Слетают листья без труда.
Степные ветры, будто бесы,
Уносит их невесть куда.

На юг уже подались птицы
Согласно их природных норм.
На ветках тинькают синицы,
Ища себе нелёгкий корм.

Они, трудяги, мне в подмогу:
Зимой мой сад – их дом и кров.
Они, исследуя всё строго,
Находят сотни червячков.

И я их тоже не забуду,
Когда метелит и штормит,
Я тоже выручать их буду –
С руки подсолнухом кормить.

У нас так повелось от века:
И помогать, и доверять,
Зверьё и птиц, и человека
Зимой на прочность проверять.

ЖАРА В СТЕПИ

В пути ни деревца, ни речки,
Лишь степь полынная, ковыль,
Кусты татарника, как свечки,
Лилово светятся сквозь пыль.

Как печь – полуденное марево,
Простор – куда ни кинешь глаз.
Поставь кастрюлю – ваше варево
Готово будет через час.

Жара, как зверь, в степи куражится,
И под рубашкой липкий пот.
Жара в степи. И солнце, кажется,
Вот-вот на землю к нам сойдёт.

Посмотришь с вожделенным трепетом
На полудённый небосвод –
Там облака, как будто лебеди,
Плынут по синей глади вод.

Ну вот и поставлена точка
На жизнь на земную – табу.
Лежишь ты в бумажных цветочках
В казённом сосновом гробу.

Горят поминальные свечи
И рот непривычно зажат.
Особо твой труд не отмечен –
У гроба медали лежат.

Не слышен мотив в усилитель,
Не видно мерцающих фар:
Когда умирает учитель
Ему ни литавр, ни фанфар.

Приходят соседи проститься,
Букеты цветочков у всех.
Печальные скорбные лица.
Да скромный венок от коллег.

Работе ты вся отдавалась...
Безмолвен божественный лик.
Порою она одевалась
Скромней, чем её ученик.

Ей дети не были обузой.
Полвека дружа с букварём,
Не ездила ты по Союзу
В погоне за длинным рублём.

Опора и совесть России.
То ль слёзы, то ль дождик с небес...
Тебя не проводят «крутые»,
Сюда не пройдёт мерседес.

Тревожные годы лихие
Дополнят последний свой штрих,
Мы все убедились: Россия
Стоит вот на них,
на таких...

Не веря поверьям и слухам,
Обычаям древним внемля,
Мне хочется верить, что пухом
Ей будет отныне Земля.

Всю жизнь я сравниваю с детством
И с долей наших матерей:
Когда и не во что одеться,
И нечем накормить детей.

Ах, мамы! Нам бы хлеба вволю
И молока хоть через день...
Вы целый день трудились в поле
За знаменитый трудодень.

Нам были матери примером,
Нам бы их мужества и сил...
И я был тоже пионером,
Но только галстук не носил.

А мне носить его хотелось.
И каждый день, как есть и пить.
Не проявил тогда я смелость
Об этом маму попросить.

Ещё бы! Трудодень – как кукиш,
Как всеобъемлющая ложь.
И галстук на него не купишь,
И пуговку не заведёшь.

Я помню детство. Вы поймите,
Что, перед правдой не греша,
На ваш вопрос: «Как жизнь, учитель?»
Я отвечаю: «Хороша!»

И правду отстоять сумею
В извечных спорах о житье,
Хоть шевроле я не имею
И нет пальто от кутюрье.

Достойной жизни мы не знали
И, как в былые времена,
Мы рвёмся в сказочные дали,
Как конь, почуяv стремена.

2015 г.

Здесь деревянные кресты
Да из металла обелиски.
Пестреют блёклые цветы –
Знак памяти родных и близких.

Но как мне видеть тяжело
Ограду ветхую на склоне...
Исчезло, сгинуло село,
Здесь лет уж двадцать не хоронят.

Всех обезличит гниль и ржа,
И все приметы доконает.
А где их прадеды лежат,
Наверно, внуки не узнают.

Анатолию Лемешкину

В войну мы, пацаны, взрослели рано.
Не знали мы тогда заморских яств.
Ровесники, а нынче – ветераны,
Питались тем, что степь и Бог подаст.

Нам степь была горячей сковородкой,
И воздух, как Сахара, раскалён.
А сахар заменяли мы солодкой,
И ягоды нам заменял паслён.

И богом дождь нам был в средине мая,
Беременела от дождя земля.
Родится урожай, все понимали,
От дождика, а не от звёзд Кремля.

И нас война не обошла сторонкой,
Хоть мы не знали бомб над головой,
И к нам носили в избу похоронки,
И мы слыхали материнский вой.

Мы, слава Богу, не точили лясы
В непроходимых цыпках на ногах.
И лакомились мы суслиным мясом,
Пожаренным без соли на кострах.

Не зная продовольственных корзинок,
Без хлеба, без повидла и котлет
Ребята из Ершова и Озинок
Питались чем попало, без диет.

Я удивлён, как выжить мы сумели,
Не умерли природе вопреки:
Ведь карточек в деревне не имели
И пенсий не знавали старики.

Вам нынче уступаем место, ибо
Решает каждый, где лежит душа...
Какой же в жизни сделаете выбор
Вы, молодые?
Вам самим решать.

2017 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Мы вставали раньше неспроста
И бежали стаей малолеток,
Чтоб пославить по родным Христа
И в награду получить конфеток.

Получить печенье – торжество!
И вдвойне – когда конфету дали...
Было жаль – раз в год лишь Рождество:
Мы его тогда, как праздник, ждали...

7 января 2018 г.

О любви

АЛЛА

Музыка, музыка всюду звучала,
Счастье и радость – из каждого глаза,
А она сидела одна и скучала.
Я подошёл, пригласил на вальс.

Она навстречу с готовностью встала
Будто раньше могли сговориться.
«Виктор», – назвался. Ответила: «Алла».
И вокруг замелькали лица.

Жгут, как угли, её пальцы,
Моею рукой сжатые...
«Скажите, Алла, вам нравятся вальсы?»
«Мне нравятся танцы всякие».

И снова по кругу легко скользила.
Вальсу бы этому не кончаться.
Или музыка нас закружила,
Или я захмелел от счастья.

Нет, она не была красавицей,
Только было в ней что-то такое,
Что сначала не очень нравится,
А потом не даёт покоя.

Знакомству рад, как случайной находке.
Стою, подтрунивая над собой.
К ней парень подходит, пружиня походкой,
Тонкие усики над губой.

И будто повеяло холодом сразу.
Хотелось не верить глазам своим.
Но это она, она выкрутасы,
Ломаясь, делала вместе с ним.

А он (для меня это было ново)
Дёргался, весь длинный и шаткий,
Как дёргают судороги больного
До пены из рта в припадке.

И глаза б не глядели, я отвернулся,
Слушать не стал объясненье невнятное.
Да, это дело, конечно, вкуса!
Но вкусы бывают разные.

* * *

*В нединститутах от 92% студентов
составляет девушки.
Из газет*

Мы не ловили их у подворотни,
Вернее, что они ловили нас:
На парня было девушек полсотни
И вдвое больше откровенных глаз.

Мы были откровенны и беспечны,
Жизнь в бедности была нам хороша.
Нас выбрали тогда, считай, навечно,
Хотя в кармане не было гроша.

ОСЕНЬЮ

Снова грустная осень насталла,
Разбросалась листвою вокруг.
В сером небе курлычат устало
Журавли, улетая на юг.

Стал бульвар и пустынным, и редким,
Старый клён на ветру передрог;
До земли наклоняется веткой,
Хочет листья поднять из-под ног.

Фонари на зарницу похожи,
Занавешен дождём горизонт,
Словно гусь под крыло, проходжий
Прячет шляпу под тёмный зонт.

...А они по бульвару шагают,
Дождь и ветер – им всё напочём.
Он девчонку домой провожает,
Осторожно обняв за плечо.

Через лужу легко и просто
Перенес он её на руках.
И дождинки, как яркие звёзды,
Запылали у ней на щеках.

Будут долго шептаться влюблённые
В полуутёмном подъезде без сна...
Дождь идёт, листья падают с клёнов.
...А для них наступила весна.

В этом есть особенная прелесть:
Росным утром в поле рожь косить
Или, дымом горьковатым греясь,
У костра с ребятами шутить.

Коль в запасе шуток не осталось,
Или тем для разговоров нет,
Тихо песни петь, забыв усталость,
Про парнишку в 18 лет.

Здесь мы все романтики немного,
И с собой хотелось бы всерьёз
Захватить в далёкую дорогу
Золото осеннеे берёз.

ПОДЪЕЗДЫ

От метелицы снежной
Мы искали приют.
Уходили в подъезды –
В полуутёмный уют.

Были праздником будни,
Кругом шла голова.
И простые, но трудные
Здесь рождались слова.

Что сказали-ответили –
Никому недосуг.
Лишь подъезды свидетели
Наших встреч и разлук.

...Вечерами осенними,
Когда снег иль дожди,
Не могу без волнения
Я подъезд проходить.

Здесь опять, как и прежде,
Караулы встают.
Ах, подъезды, подъезды,
Вы влюблённых приют...

РОМАШКИ

Безусые романтики
В селе карельском Виданы,
Мы были на педпрактике.
Там лес красы невиданной...

Ходили мы, несмелые,
Меж елями и соснами,
Там, где ромашки белые,
Как снег, в лесу разбросаны.

А долг мужской мой требовал
Вручать цветы воочию...
На розы денег не было,
Ромашки были общие.

Они мне – как спасение,
Как Марьюшка-искусница...
Вот их по воскресениям
Дарил я однокурснице.

1956 г.

На тебя молюсь, как на икону
(Никуда от этого не деться).
Я тебя ревную по закону,
По закону любящего сердца.

Я тебя к степным ревную травам,
А к чужим глазам – напропалую.
Хоть порой бываю и неправым,
Что без основания ревную.

Я тебя порой ревную к книжкам,
К табелям и прочим документам,
Даже к третьеклассникам-мальчишкам,
И к вдовцам, и к пожилым доцентам...

Тяжело мне жить с такою ношей.
Не хочу я с этим вековать.
Так люби, будь преданной, хорошей,
Чтоб тебя не мог я ревновать.

Без свидетелей мы обвенчаны.
Вся от пальчиков до виска
Ты моя. Ты – и ангел, и женщина,
Ты мне преданна и близка.

Мне любовь твоя жить помогает
(Не порвись, драгоценная нить!)
Никакая любовь другая
Мне не может твою заменить.

Мы в любовь безраздельную верим,
Потому и легко на душе,
Потому прилетаю я в терем
На не близком твоём этаже.

Звёзды в небе ночном тихи.
Разговор их я сердцем слышу.
Вдохновенье рождает стихи,
Не о каждой их женщине пишут.

Ты мне лишнего не говорила,
Только ласковой просто была...
Приручила меня, приручила.
Посадила ты в клетку орла.

И такое бывает нередко,
Сколько гибнет – не сосчитать:
Птица, выпущенная из клетки,
Не умеет просто летать...

Вот и я без тебя, без клетки.
Только нервы... Взорвусь я – не трожь,
Как ребёнок тянусь к конфетке,
В летний зной одолела дрожь.

Мне тебя не видать нет силы,
День не день без тебя для меня.
Приручила меня, приручила
Нежноласковая моя...

Свадьба комсомольская... Всё просто:
Водка, килька – лучше не смогли.
У меня вельветка не по росту,
Туфли у тебя с чужой ноги.

Жили в общежитье мы со всеми.
Ты была юна, и я – юнец.
Кольца не надели мы в то время,
Да у нас и не было колец.

Да и отвергали мы поверье
В наши комсомольские года,
Что печать скрепляет лишь на время,
Кольца, мол, скрепляют навсегда.

Мама подарила кипятильник,
Чтоб друзьям был чай, когда придут,
А декан нам преподнёс будильник,
Чтоб не просыпали в институт.

И перед оравой комсомольской
Мы стоим – студентка и студент.
Нам друзья кричали: «Горько! Горько!»
А нам было сладко в тот момент.

Все на свадьбе веселились в зале.
Для студентов институт, как брат...
Вместе нам сто лет прожить желали,
Мы уже прожили пятьдесят.

До сих пор в душе мы комсомольцы,
Шли туда, куда ни позови.
Убедились: дело ведь не в кольцах,
Дело в нашей преданной любви.

ЕДИНСТВЕННАЯ

Жене Людмиле

Пусть женщины с привычным блеском
Всех неразборчивых манят.
Тебя сравнить здесь просто не с кем:
Ты несравненна для меня.

Всё можно: водку пить умеренно,
Дела вершить невпроворот.
И важно знать и быть уверенным,
Что та, одна, в разлуке ждёт.

Хочу с тобою быть всегда,
Твердить в вечернем многочасье:
«Я счастлив. Ты – моя звезда.
И только смерть её погасит».

СИРЕТЬ

Жене Людмиле

Здесь сирень, как метелица снежная,
По утрам украшает кусты.
Я целую цветы эти нежные,
Для меня ведь сирень – это ты.

Целый день без ума и без разума,
Опьянённый сиренью, хожу.
И слова, что тебе не досказаны,
Я сирени, родная, скажу...

Только ты не ревнуй, моя милая,
Посмотри, сколько здесь красоты!
Видно, впрямь под звездою счастливою
На земле расцветают цветы.

Лишь сирень отцветёт и оглянешься –
Нежный мак обжигает огнём...
Так и ты вечно юной останешься
В нестареющем сердце моём.

Июнь 1960 г.

Благодарю я этот вечер,
Почти случайный карнавал,
Когда тебя, обняв за плечи,
Я в первый раз поцеловал.

Благодарю этаж четвёртый,
Где в напряжённой темноте,
Забыв о том, что оба горды,
Мы шли к намеченной черте.

И вот уже её минули...
Светло, как будто на заре.
Тепло нам было, как в июле,
Хоть это было в январе.

С РАБОТЫ ВЕЧЕРОМ

Ты идёшь с работы вечером,
Жизнерадостен и юн,
Хороши девчата встречные
В платьях, ярких как июнь.

Остановишься непрошенный,
Залюбуешься тайком:
До чего глаза хорошие
Под капроновым платком.

Кудри шёлковыми прядями
Разметались по плечам.
Может, в ткацком, может, в прядильном
Ты в цеху её встречал.

Много их в таких платочках вот,
Стройных, ловких у машин...
Кто-то огненными строчками
Вдоль всю улицу прошил.

И ушли они под взглядами
Фонарей, как сотен лун.
Молодые и нарядные,
В платьях ярких, как июнь.

1967 г.

ФИГУРИСТКА

Как снежинка летит пушистая,
Посмотрел – захватило дух,
Кружит юная фигуристка,
Невесомая, словно пух.

Смотрит парень, глаз не сводит,
А она, на носки становясь,
На сверкающем льду выводит,
Как художница, тонкую вязь.

То взлетает она, то кружится,
В небо вырваться норовит.
И боится он – вдруг, как птица,
От него она улетит.

ЦВЕТОЧНИЦА ЖЕНЯ

Она цветами у киоска
Торгует много лет подряд
И красотой её неброской
В плен не один мужчина взят.

Иной считает за удачу
Хотя бы на неё взглянуть.
Как рыцарь, отвергает сдачу
И забывает про цену.

Она сама цветку образчик,
Как символ русской красоты...
А потому, мужчины, чаще
Дарите женщинам цветы!

ВЗАЙМНАЯ ЛЮБОВЬ

Засияла вокруг чистым золотом
щедрая осень...
Растревожила сердце – утрами свежа и бела.
Не ревнуй, что люблю я вот эту
хрустальную просину:
Ты сейчас мне дороже, милее,
чем раньше была.

Может быть, назовёшь меня так же,
как прежде, мальчишкой,
Подожди, не шути надо мной
так безжалостно вновь –
Недостаточно слов и стихов
недостаточно слишком,
Чтоб тебе рассказать про мою,
про большую любовь!

Скоро, скоро зима разбросает нас всех
по домам,
Будем слушать мы порознь
декабрьскую первую выигу.
Ты не требуешь клятв, и к чему они,
собственно, нам,
Если мы и без них крепко любим друг друга.

Я помню всё: и сонную речонку,
И яркость щёк, похожих на зарю,
Как говорил взволнованно девчонке:
«Я лишь тебя, тебя боготворю».

Случилось так, что мы с тобой расстались,
Я с сожалением это говорю.
И только письма длинные остались,
В которых я тебя боготворю.

...Ты постарела, выглядишь устало,
(Прости, что я об этом говорю).
И хоть в богов нам верить не пристало,
Я всё равно тебя боготворю.

И если смерть мгновенною не будет,
То и тогда, о смерти не скорбя,
Я назову (клянусь вам в этом, люди)
Средь самых близких первою тебя.

Цвела сирень в саду заброшенном
У неизвестной у реки,
И с яблонь цвет густой порошью
Слетал погоде вопреки.

Смотрел влюблённо и восторженно,
Себя не в силах превозмочь...
Твой тонкий стан, красиво сложенный,
Оставил нас греховно в ночь.

Я свято сохраню воспоминанье,
Я буду помнить, помнить и беречь
И счастье первого полночного свиданья,
И горечи последних наших встреч.

И никогда я клятву не нарушу,
Я благодарен до последних дней
За то, что ты мою скромную душу
Согрела щедрой красотой своей.

ДОЛИНА РОЗ

**Не экзотические пальмы
Себе в свидетели зови,
Степные розовые мальвы –
Свидетели моей любви.**

**Ах, море розового цвета,
Цветное море до колен,
Ты нас сдружило в это лето,
Ты нас взяло в бессрочный плен.**

**С тобой мы часто здесь бывали
И, восхищённые всерьёз,
Мы это место называли
Не как-нибудь – долиной роз.**

**Взгляни на милую окрестность,
Садись, художник, и пиши
Лесостепную нашу местность –
Поэзию моей души.**

**...Когда январской зимней стынью
Приду я в дом желанный твой,
Пусть пахнет комната полынью
И богословскою травой.**

ПОЮТ СОЛОВЬИ

Отголоски лишь транспорта дальнего,
тишина и уют.
Как поют соловьи у Натальина,
как поют!
В неприступном колючем терновнике
их приют.
Так, наверное, лишь любовники
и поют.
С переливами, да присвистами...
так суметь.
Мне бы так, как они, неистово
песни петь.
И уходим мы в терем сказочный,
в царство грёз,
Где стоит заколдованный красочный
строй берёз.
Посмотри в это небо глубинное...
вот бы нам
Разделить эту песнь соловьиную
пополам!

В её глазах такая тайна...
И в этом ли его вина,
Что, на неё взглянув случайно,
Он опьянел, как от вина.

Из-за неё он горы сдвинет,
Друзей забудет и врагов...
Он верит в женщину-богиню,
Не веря вообще в богов.

Ты – как белая лилия,
Как ночная звезда.
Позабуду фамилию,
А тебя – никогда.

Эти волосы белые
И очей твоих синь,
Ничего не поделаю,
И забыть не проси.

Почему я волнуюсь
И хожу, как во сне?
Ты напомнила юность
Невозвратную мне.

...У девчонки красивой,
Что «люблю» я сказал,
Были тоже ведь синие
И большие глаза...

ПЕСНЯ

Моя любовь осталась где-то,
А я уехал далеко.
Живу без солнца и без света,
А жить без солнца нелегко.

Моя любовь теперь не тайна.
Но ты со мною согласись –
С тобой мы встретились случайно,
Но не случайно разошлись.

В твоём kraю трещат морозы,
И ты печальная сидишь.
А здесь капели, словно слёзы,
Срывает шалый ветер с крыш.

Хожу, брожу один дворами
До самой полночи, до сна.
И хоть тепло не за горами –
Ты не придёшь, моя весна!

НА ВОЛГЕ

Светлане Куксовой

Загорелая, станом гибкая,
Шла по берегу, как плыла.
Иль походкою, иль улыбкою
За собой меня увела.

Даже словом мы не обмолвились,
Но казалось, я с ней знаком:
Разговаривает молодость
Ей понятным лишь языком.

Солнцем залита в отдалении,
Манит бронзовой наготой...
Волны замерли в удивлении,
Восхищённые красотой.

В Волгу бросилась, скинув платье,
Птицей-лебедем в облака...
Носят волны её в объятиях,
Как любимую – на руках.

По-мужски обнимают грубо.
Всё пытаются что-то сказать,
Как шальные, целуют в губы,
Не хотят её отпускать.

Как зовут тебя? Как фамилия?
С кем знакома ты или дружна?
На воде голова, как лилия, –
Притягательна и нежна.

Как, должно быть, вы, волны,
счастливы,
Вам, отчаянным, довелось
Прикоснуться не раз участливо
До льняных до её волос.

Но ушла она, выйдя на берег,
Лишь оставив следы на песке.
Волга-Волга, нас ограбили,
Нас оставили жить в тоске...

ПИСЬМО

Жене Людмиле

Я сержусь, бывает,
Из-за чашки чая.
А уеду только –
Сразу заскучаю.

Ты пиши мне чаще,
Да волнуйся меньше,
Пусть и загляжусь я
На красивых женщин.

Что же здесь такого?
Ведь не в этом дело...
Нам и так хватило
В жизни переделок.

Нам всего хватило
В юности с тобою:
И дырявых туфель,
И больничных коек.

Не открою истины,
Я скажу не первым:
И зачем нам тратить
В перепалках нервы?..

Не боюсь я в жизни
Осложнений разных,
Не хочу, чтоб молодость
В мелочах увязла.

Я давно усвоил,
Что от этих женщин
Радости немного,
Счастья ещё меньше.

Ты пиши мне чаще,
Да волнуйся меньше...
Для меня ты лучше
Самых милых женщин.

НАШИ ЖЁНЫ

Людмиле Храмовой

**И чем кавказцы так гордятся –
Что жёны стройны, взгляд их мил?
Они в подмётки не годятся
Для русских Вер и русских Мил!**

**Да, наши жёны не модели,
Но это вовсе не беда:
Кто их, пардон, узнает в деле –
Тот не забудет никогда!**

**О, эти груди, эти попы –
Очарованье и азарт...
И это факт, что вся Европа
Уже признала наш стандарт.**

**Нет, не бахвалимся мы силой,
И я не сомневаюсь тут –
По-русски Верой или Милой
И Мисс Вселенной назовут!**

КРАСНЫЕ ПИОНЫ

Договорились: на бульваре,
Как прежде, встретимся с тобой.
Всё так же здесь маячат пары,
И так же ластится прибой.

Иду к тебе – какое счастье!
Да, это счастье, не солгу.
Я на тебя гляжу с пристрастием
И наглядеться не могу.

Почти ничто не изменилось...
Но где былая красота?
Неужто ты мне годы снилась?
Иль я не тот, иль ты не та...

Лишь прикоснулся – будто током,
Хоть лет прошло почти полста.
Не ограничишь чувства сроком.
Нет, ты всё та же, та же, та...

Идём бульваром, как привычно,
Маршрутом прежним, не иным.
И я вдруг стал косноязычным,
И я вновь стал почти хмельным...

То резко вдруг меняем темы
И говорим про то и сё,
А то сидим, минуту немы,
И вспоминается всё-всё.

И куркийокские долины,
И медь осиновых рубах,
И аромат лесной малины
На тёплых, на твоих губах.

И про мальчишечьи промашки,
(Я до сих пор их не простил)
Как я обычные ромашки
Тебе из леса приносил.

О том на картах не гадали,
Мы просто ждали этот час,
А мне мерещилась годами
Та встреча, что была у нас.

...У тополей всё та же корона
И та же прядь твоих волос...
Как жаль, что красные пионы
Спустя полвека я принёс.

ОДНА

Бывает: женщина-царица –
И рост, и красота, и стать.
Но лишь не хочется влюбиться,
Тем более чтоб другом стать.

Хоть выделяется красотка
Средь незатейливых подруг,
Стоит надменно, как высотка,
В одноэтажности вокруг.

Она, как снеговик, холодна,
Колючий взгляд её претит.
И будь ты хоть, как волк, голодный,
Не развивает аппетит.

И в сорок лет, как в двадцать, снова
Вокруг поклонников орда.
Как «незнакомка» у Крамского
Ты величава и горда.

И не дай Бог, что так случится,
К замужству ты не годна.
Ах, Боже мой, была царицей
И вот состарилась. Одна.

Июльским вечером прибой,
Как пёс, нам ноги лижет.
Мы были так близки с тобой,
Что невозможно ближе.

Да, я любил иль был влюблён,
И вот последний ужин.
И я, как выжатый лимон,
Тебе уже не нужен.

Ты ублажай его, милуй,
Бери судьбу в охапку.
Но не меняй лишь поцелуй
На норковую шапку.

Я с болью думаю теперь
О том, что с нами было.
Ложась в совместную постель,
Кого же ты любила?

Будут помниться долго-долго
Эти хвойные берега...
Это верно, что Неман не Волга,
Только память о нём дорога.

Эти улочки, переулки...
Тихий город Друскининкай
И совместные наши прогулки
Ты, пожалуйста, вспоминай.

Вспоминай про дождливое лето,
Не ищи ответ на вопрос –
Настоящее всё ли это,
Что здесь в шутку, а что всерьёз?

И теперь на пороге вокзала
Я нашёл самый верный ответ –
Наша встреча чуть-чуть опоздала,
Опоздала на десять лет.

1974 г.

Такие встречи очень редки,
К тому же важен и настрой...
Я к вам отнёсся, как к соседке,
Ухаживал, как за сестрой.

И разделить бы с вами ложе
Конечно б мог. Но не секрет:
Ах, был бы я чуть-чуть моложе,
Хотя бы на десяток лет...

И вы за то меня простите –
Здесь виноваты не врачи –
Что я, фактический учитель,
Вас ничему не научил.

НОСТАЛЬГИЯ

Жила она, лучшая девушка в мире,
На улице Кирова, тридцать четыре.
Тот домик шатровый подслеповатый
Казался дворцом мне и многим ребятам.

И пусть не в дворце, не боюсь повториться,
Жила не девчонка, а просто царица.
С большими глазами и талией гибкой,
Околдовала широкой улыбкой.

И эту царицу я, как говорится,
Не мог не заметить, не мог не влюбиться.
Впервые узнал я, от счастья ликуя,
И сладость, и горечь её поцелуя.

И многим ребятам я как в наказанье,
Сюда ежедневно ходил на свиданье.
И было мне тоже, как им, не до смеха.
Я тоже дорожку топтал без успеха.

Но было обидно мне в этом признаться,
А было тогда мне всего восемнадцать...
...Уж жизнь на исходе. И надо ж случиться,
Полвека спустя в тех местах очутиться.

Знакомый маршрут одолев без усилий,
Я к дому спешил. Я летел как на крыльях.
Не знал я об этом, к несчастью, заранее,
Что дом был разрушен до основанья.

Здесь скоро появятся зданья другие,
А мне лишь досталась одна ностальгия.

МОРОЗ В ГОРОДЕ

Проснёшься поутру привычно
И восторгаясь до слёз:
Хоти прохладней, чем обычно.
Зато — снегок!
Зато — мороз!
Лишь штору отворяешь тревожно.
А там...
На радость жителей.
Мороз — величимый художник —
Цветы оставил на стекле.
И ве боясь зимы угрозы.
В первые и самые морозы
Шагнешь
В белоснежный строй берёз.
Как будто в первом светодиодном
Здесь на бульваре —
свёта горы.
А зелёный изгиб-заросль
Оставил зелёные узоры
На закраине заснеженных ветвей.
Хочь разевай к проруби руки.
Но смотришь будто Адама.
Стекла-мости залупят в луны
Гараны.
И пущат в магазин.

За речкой – золотая осень,
Здесь часто были мы с тобой.
Она опять зовёт и просит
Пройтись знакомою тропой.

Идём вдвоём под листвьев шорох,
Весной здесь пели соловьи,
А нынче рвутся, словно порох,
Слова колючие твои.

Эхо войны

В моей родне военных было мало –
Всё больше хлеборобы от сохи.
Она страну со всеми поднимала
И делала в истории штрихи.

Она несла смертельные утраты,
Когда стране грозила вражья рать.
Чтоб сокрушить лихого супостата,
Оставив плуг, пришлось оружье брать.

Мой родич был с ружьём и плугом дружен,
Была нелёгкой прадедов стезя.
Ведь был, как порох, хлеб солдату нужен,
Без хлеба побеждать врага нельзя.

Война всегда... То громче, а то тише –
В окопах, на экранах, на лыжне...
Пусть каждый факт история запишет.
И кто мне скажет, кто из них важней?

Я не приемлю глупых споров книжных...
Ведь как у нас в России говорят:
Служить стране почетно и престижно,
Будь ты учитель, пахарь иль солдат.

СЫН РОССИИ

*Памяти отца
И.С. Уоловникова*

Он умер на больничной койке
От старых беспокойных ран,
Пропахнув йодистой настойкой,
Войны минувшей ветеран.

У смерти есть своя причина,
Что хочешь – плачь или молчи.
Порой бессильна медицина –
Врачи не боги, а врачи...

Его родные окружали,
Метались тени по стене...
А руки тёмные лежали
На белоснежной простыне.

Руками этими когда-то
Работал он что было сил:
Окопы рыл в войну солдатом,
Детей растил и хлеб косил.

Он всю войну провёл в окопах,
И, прошагав в такую даль,
Принёс домой он из Европы
Две раны, орден и медаль.

Как много их, солдат России,
Вот также завершают путь:
Его живого не носили,
А умер – на руках несут.

Он умер просто, по-солдатски,
Герой войны, герой труда,
Над ним, как над могилой братской,
Сияет красная звезда.

Её секут дожди косые,
Но не стереть им строчек ряд:
«Здесь похоронен сын России,
Её кормилец и солдат».

1966 г.

СОЛДАТСКАЯ УШАНКА

*Этот случай произошёл
с моим отцом
в декабре 1941 года.*

Отец мой не был грамотеем:
Десятилетку не кончал,
И в спорах, и в других затеях
Он больше слушал и молчал.

Он не любил ни склок, ни шума,
Порой не ведал, что творил.
Когда молчал он, видно, думал,
А думал так, что говорил.

Он воевал под Ленинградом.
И говорил без всякой лжи:
«Нет, я не думал о наградах,
Погибло столько... Я вот жив».

А как-то в спорах-перебранках
Он заявил, как бы со зла:
«Вы не поверите – ушанка
Однажды жизнь мою спасла.

Сражались мы под Ленинградом.
Трудна солдатская стезя.
Великий город сзади, рядом
И отступать никак нельзя.

Как и у всех – шинель, портянки.
Грыз сухари и кашу ел,
И лишь особую ушанку
Один во взводе я имел.

Тогда в наш взвод за город драться
Пришёл парнишечка-юнец.
Ему лишь было лет семнадцать,
А мне – за сорок. Я – отец.

Малец имел одно призванье –
«Катюшу» часто нам певал.
Меня по-детски дядей Ваней
Не по уставу называл.

Мать голодала в Ленинграде,
В квартире на большой Неве...
Мальчишка смелым был, что надо,
И привязался он ко мне.

...Начался бой с артподготовки.
И дикий визг немецких бомб.
Землёй засыпало с винтовкой
Меня и в полный рост окоп.

Как мне рассказывали, танки
Тогда рубеж наш не прошли.
Моя приметная ушанка
Чуть-чуть торчала из земли.

«Здесь – дядя Ваня! Откопаем,
Быть может жив!» «Да что-ты, брат,
Такого чуда не бывает...»
Но откопали – и в санбат.

Могли и схоронить под шутки,
Но отстоял меня юнец...»
Очнулся он на третьи сутки,
Тот дядя Ваня. Мой отец.

УБИЛИ

*Памяти брата
А.Ф. Уоловникова*

Мой брат погиб в бою под Курском,
Он танк покинуть не сумел.
В войну в любом селенье русском
Лишь каждый пятый уцелел...

Тогда ж сгорел в том танке Нестор,
Хохол и друг, мордвин Семён –
Мы издавна сражались вместе
И вместе гибли испокон.

И что бы там ни говорили,
Их смерть для нас, живых, укор.
И материнский вопль «Убили!»
Я слышу с детства до сих пор.

«Убили!». Под Москвой и Луцком,
Как крик души, не напоказ,
И на татарском, и на русском,
На осетинском и якутском
Я слышал много-много раз.

Мы вместе шли, где нету брода.
До Альп дошли мы от Карпат.
Мы – россияне. Мы свободу
Не отдавали напрокат.

И материнский вопль «Убили!»
Нам слышен от степей до гор.
Мы нашу землю не делили
И смерть не делим до сих пор!

ПОХОРОНКА

Уж третий год в чужой сторонке
Отец свой крест солдатский нёс...
И показалось ей, девчонке,
Очередную похоронку
Им почтальон в тот день принёс.

Про похоронку от соседей
Она слыхала много раз:
Погиб на фронте дядя Федя,
И дядя Коля, и Тарас.

Теперь отец вот...
И бумагу
Она вертела так и сяк.
И к маме в поле по оврагу
Рванула наперекосяк.

Братишку подхватив в охапку,
Она бежала, как могла.
И вопль её: «Убили папку!»
Был слышен в поле из села.

Но мать её, едва окинув строчки,
Пошла счастливая в село.
«Жив! Жив наш папка, дочка!
Но только ранен тяжело».

Ну что с неё, девчонки, спросишь,
Хоть подняла и шум, и гам.
Ведь было той девчонке восемь,
Она читала по слогам.

«Жив папка» – быстро, словно ветер,
Весть разнеслась во все концы.
...Тогда взрослели рано дети
И рано старились отцы.

ИМЯ НА СТЕНЕ

Сергею Василенко

Ни фамилии, ни отчества,
Только имя на стене.
Хоронили их без почестей,
Как случалось на войне.

И лежат они, бывшие
(У нас дел невпроворот!),
От сухих степей безлесных
До гнилых тверских болот.

И лежат они, сражённые,
Лет уж более полста
Без могил, как прокажённые,
Без звезды и без креста.

Кто он после жаркой схватки,
Умирающий от ран,
Написал лишь слово краткое –
Имя русское – ИВАН?

И лежат они, не ропщут,
От границ и до Кремля.
Есть у них могила общая –
Наша русская земля.

Война давно уж за плечами,
И за полвека счёт идёт.
Ему же снится всё ночами
Трагичный сорок первый год.

Когда в бессилье отступали,
Как шли, друзей не хороня,
Как в ярости рубашки рвали,
Бездарных маршалов кляня.

Там скалы грозные, как сфинксы,
Стояли в чуждой стороне,
Когда мой брат погиб на финской,
Незнаменитой той войне.

Был фронт, как горлышко графина:
На километр – орудий сто.
Мы думали: сдадутся финны,
А тыл взорвёт народ простой.

В мороз будёновки не греют,
И мин под снегом не видать.
Хотели доты Маннергейма
Будёновками закидать.

Не получилось так, не вышло,
Снег – и землянка, снег – и гроб...
У нас всегда закон, как дышло:
Мы брали доты прямо в лоб.

Здесь столько кровушки солдатской
На эту землю пролилось...
Лежит мой брат в могиле братской
В лесу, где только бродит лось.

Так и остался, вечно молод,
В земле скалистой, неродной...
Но утвердился серп и молот
Ещё в республике одной.

УПРЁК

*Памяти М.В. Датского,
погибшего в июне 1941 г.
при защите Либавы*

Защищая от врагов Либаву,
Он погиб на пятый день в бою.
Не лежит он на аллее Славы,
И ему осанну не поют.

Он скорей всего не похоронен,
Молодой советский лейтенант.
Был для латышей он посторонним,
А для многих даже – оккупант.

Где же вы, свидетели живые?
Чем был плох для вас наш общий дом?
Мы считали вас всегда своими,
Вы же нас считаете врагом.

И у нас когда-то были хлюсты,
Как у вас.
Ведь много лет назад
В честь вождя из бронзы лили бюсты,
Бюсты из цемента – для солдат.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Ой, полынь-трава,
Ты крепка-горька.
Сорвала тебя
В степи с бугорка.

Принесла домой
Пару веточек,
Снова вспомнила
Сынов-деточек.

Не пришли с войны
Мои кровушки...
Где теперь лежат
Их головушки?..

Не придёт никто
К ним на праздники.
Им закрыл ли кто
Очи-глазоньки?..

Может, там растёт
И берёзонька...
Сорок лет я лью
По ним слёзоньки.

Сорок лет уж нет
Их, сынов моих.
Ты взойди, полынь,
На могилках их.

Ты закрой, полынь,
Их по случаю.
Я прошу тебя,
Ты живучая.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Петру Сафонову

Вы от голода пухли,
Сапоги – на двоих.
Не играли вы в куклы.
Было вам не до них.

Младшеклассникам в школе
Было трудно вдвойне:
Сёстры, матери – в поле,
А отцы – на войне.

Гибли врозь и поротно,
Но с отвагой в груди...
Главный клич «Всё – для фронта!»
Был у них впереди.

Нет, они не роптали,
Не чернели с тоски,
Что тайком собирали
На полях колоски.

Нет, не были вы быдлом
В тех далёких, лихих...
Хоть не знали повидла
И был радостью жмых.

А от снадобий разных
(Каждый – врач Айболит)
Получали вы язвы
И свой вечный гастрит.

Как отцы их и деды,
Они тоже горды –
Знают цену Победы,
Помнят вкус лебеды.

Тяжелее на свете
Груза памяти нет.
А они ведь не дети –
Им за семьдесят лет.

Им медаль именную б
Благодарной страны...
А их всё именуют
Скромно: дети войны.

Жене Людмиле

Лицо суровое войны
Тебе пришлось увидеть с детства.
И в этом нет твоей вины –
От доли никуда не деться.

Война, ударив, как обух,
Ворвалась в жизнь, как быль и небыль.
Ещё не зная цифр и букв,
Уже ты знала цену хлеба.

С тех пор, как конь, сжав удила,
Ты ни о чём других не спросишь.
Привычка в детстве родилась:
Отрежешь хлеб – в рот крошки бросишь.

При безотцовщине сплошной
Совсем неглупая привычка
Досталась не тебе одной –
Владеть клещами, без кавычек.

Погибших знаем мы отцов
По фотографиям лишь скромным.
Войны суровое лицо
Мы, к сожалению, лучше помним.

2015 г.

ЗА НАС С ТОБОЙ

*В г. Балаково открыты мемориальные
доски в честь земляков
Героев Советского Союза
Ф.П. Полынина, Н.В. Грибанова
и генерал-полковника И.Т. Коровникова.*

Войны великой отголоски...
Солдатских подвигов не счесть.
Мы открываем нынче доски
Мемориальные в их честь.

Не думал он об этом в драке,
Когда у Волхова-реки
Бросал Коровников в атаки
Свои бесстрашные полки.

Когда Полынин, злой, небритый
(А что ещё он сделать мог?),
Бросал навстречу мессершмиттам
Свой краснозвёздный ястребок.

Когда навстречу смерти смело
Грибанов бросился вперёд,
Закрыв почти что детским телом
Фашистский страшный пулемёт.

За нас с тобой, не ради славы
Пришлось им голову сложить...
Солдаты падали на травы –
Россия оставалась жить.

И этот домик из двух комнат,
С доскою, чтоб наверняка,
Потомкам молодым напомнит
Про генерала-земляка.

Мы их об этом не просили,
Но, часто жертвуя собой,
Они спасли для нас Россию,
А значит, что и нас с тобой!

2006 г.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

У обелиска не поют,
Здесь молча спины горбят.
К огню идут,
идут,
идут
В День памяти и скорби.

Идёт,
 печалится народ.
С душой нараспашку.
Кто розы пышные несёт,
Кто скромные ромашки,

Чтобы почтить тех, кто в полях
Остался в утро это.
...Он шёл к огню на костылях,
Но только без букета.

Он шёл, чтобы почтить друзей
Во дни лихие эти...
Но не хватило трёх рублей,
Чтобы купить букетик.

И голова была седа,
И память подводила.
Торговка
 как стена была –
Букет не уступила.

На костылях
 он шёл к огню
С настырностью завидной.
И было совестно ему,
Что ей не было стыдно.

Друзей он помнит.
Жизнь отдаст
За них без проволочки.
А кто-то память к ним
предаст
Всего за два цветочка.

МОНОЛОГ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕГО ВОИНА

Сергею Василенко

В августе 2012 г. за 15 дней балаковские «набатовцы» подняли и похоронили останки 36 погибших воинов в Киришском районе Ленинградской области.

Медальонов, чтобы установить личности погибших, найти не удалось.

Из газет

Мало утешенья человеку,
Что его родные где-то ждут...
Я лежу здесь больше чем полвека
И надеюсь, что меня найдут.

Хоть осталась мне одна отрада,
Чтоб лежать под пологом осин...
...Мы рвались на помощь Ленинграду.
Не прорвались.
Не хватило сил.

Гибли роты, гибли батальоны.
Сколько их? Не знают и сейчас.
Время не щадило медальонов
И оно не пощадило нас.

И тогда в болото я свалился
В жуткое сплетенье ног и рук.
Не узнал я, что мой сын родился,
Не узнаю, что рождается внук.

Гибли мы в той мясорубке адской,
Чтоб из нас не сделали рабов.
Хоронили нас в могилах братских:
Не хватало леса для гробов.

Не узнать, как в мае нас встречали
(Русская святая простота!),
Как в войну награды нам вручали,
А спустя лет десять – паспорта.

Уж полвека, как в болотной каше,
Я себя безжалостно корю:
Безымянный,
 без вести пропавший,
Я лишил пособия семью.

Я лежу и жду.
И верю даже –
Кто-то всё-таки меня найдёт,
И слова решительные
 скажет
Властью замордованный народ.

БАЛЛАДА О ВТОРОМ РОЖДЕНИИ

*Владиславу Панькову,
почётному гражданину
г. Балаково*

Он сбит был над Балтийским морем.
Как лёд апрельская вода.
На Волге он купался вволю,
А в этом море – никогда.

Теперь лишь только жалкий плотик,
Комбинезон водой набряк.
Служил он на Балтийском флоте,
Хоть был он лётчик, не моряк.

Уж полчаса, как волны хлыщут,
Аж до печёнок достают.
И мысли: «Ищут иль не ищут?..
Или уже пришёл каюк?»

Напарник улетел на базу
Сказать, что сбит старлей Паньков.
А море – не окинуть взглядом,
Ни берегов, ни огоньков...

То забытьё, то пробужденье,
Он слова вымолвить не мог,
Когда услышал в отдаленье
Родной торпедный катерок.

...С тех пор в апреле, в час спасенья,
Иль без столов, иль при столе
Он отмечает день роженья,
Хоть и родился в сентябре.

1998 г.

О НАГРАДАХ

В детстве я обижен был на деда,
Только в этом нет его вины:
Не сумел дожить он до Победы,
Он погиб на третий день войны.

Нет ни ордена и ни медали даже...
В сорок первом он пошёл ва-банк,
И никто об этом не расскажет,
Что он крикнул, бросившись под танк.

Кто его к награде мог представить?
Он последним в том погиб бою.
До конца он защищал заставу.
Не заставу – Родину свою.

И его как щепку разметало
Вдребезги. Нет ни покрышки и ни дна.
Хоть медали одного металла,
Только разная у них цена...

Вот иной медалей юбилейных
Понавесит, как иконостас,
И поведает в речах келейных
Молодым, как он Россию спас.

Хоть тогда не был он среди смелых,
Не умел в атаки поднимать
И бросал гранаты неумело,
Но умел бумаги сочинять.

Доводилось, подправлял приказы,
Острые, как лезвие ножа.
По его словам, сам Жуков даже
Как-то в штабе ему руку жал.

А бумага что? Она всё стерпит.
Жизнь рассудит так или не так.
И равны все люди перед смертью,
Жизнь проверит яростью атак.

Награждают нынче чохом, скопом.
Только в этом власти неправы:
Можно жизнь всю просидеть в окопе,
Не подняв ни разу головы.

Славлю возраст я любой старушки,
Но порой сомненья поселят –
Чтоб создали Лермонтов и Пушкин,
Проживи они по пятьдесят?!

Мало их осталось от смертельных
Тех боёв. Как мало их в живых!
Жаль, медалей больше юбилейных
И почти не видно боевых.

...А над прахом деда – неба чаша
Да берёзы с пулями в стволе.
Он остался без вести пропавшим
На спасённой им родной земле.

ПОТОМКИ СУСАНИНА

Виктору Рязанцеву

*Внук спрашивает деда:
«Дедушка, а что ты кричал,
когда шёл в атаку?»
Дед-фронтовик отвечает:
«В атаке мы разное кричали...»*

Видел я берлинские развалины
И «Хайль Гитлер!» слышал я в лицо.
Нет, я шёл в атаку не за Сталина,
Я был чуть умнее тех юнцов.

В сорок пятом было мне уж двадцать.
Жизнь меня тряхнула хорошо.
И я знал уже, за что сражаться, –
Я за Родину, внучок, в атаку шёл.

Было всё: раненье и усталость.
Если дрался – дрался до конца.
Но обида горькая осталась
За в тюрьме погибшего отца.

Предколхоза был отец, в почёте,
Но случилась эта канитель:
Выдал он сельчанам при расчёте
Лишний фунт зерна на трудодень.

А по всей стране тогда кружился
Чёрный воронок, как ураган.
И в ту ночь отец мой превратился
Из слуги народа во врага.

Удалось немногим увернуться...
Здесь закон и совесть ни при чём:
Стукачи на каждого найдутся,
Если сам не будешь стукачом.

Так я сыном вражеским проснулся,
Так я познакомился с сумой.
Он меня хоть краем, но коснулся,
Тот трагический наш тридцать седьмой.

Тут война. Я – сын врага народа.
Немец прёт, уж Волга, Сталинград...
Осенью сорок второго года
Сам пришёл я в райвоенкомат.

Добровольно. И досрочно на год.
Мать благословила на войну.
Испытал, как все, немало тягот,
Повидал я не одну страну.

Видел я немецкие развалины
И знамён победных красный шёлк.
Нет, я шёл в атаку не за Сталина,
Я за Родину, внучок, в атаку шёл.

Воевали мы тогда отчаянно
У Европы и у мира на виду.
Хоть кричали в ярости: «За Сталина!»,
Но имели Родину в виду.

Если надо, я в шинелишке засаленной
Вновь на помощь Родине приду.
Знай, что капля крови от Сусанина
И в твоём примешана роду.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

*9 мая 2015 года школьники БМР
в праздничных колоннах пронесут
портреты погибших родственников.
Эта акция называется
«Бессмертный полк».*

Такая доля их была –
С войны не возвратиться.
Считай, по взводу – из села,
По роте – из станицы.

От тундры и до южных гор
Лежат в могилах скромных.
Бессмертны люди до тех пор,
Пока их кто-то помнит.

Пускай горит знамённый шёлк...
У нас одна забота:
Пройдёт в строю бессмертный полк,
Не люди, а их фото.

Свой символический маршрут
В великий День Победы
В строю с мальчишками пройдут
Их прадеды и деды.

Февраль 2015 г.

ВЕТЕРАН В ШКОЛЕ

Сергею Лёгкому

Они сидят в рядах передних,
Таких уже не много лиц.
Здесь блеск медалей юбилейных
И восхищенье учениц.

Седых солдат воспоминанья
И проза школьной суэты...
Им всё: и песни в знак признанья,
И сувениры, и цветы.

Как по негласному стандарту
Узнают дети, что к чему.
Остался гость один за партой
К непониманью моему.

Он был изящен, как колибри,
И молчаливее других:
«Пойми, герои все погибли,
А мы – подобие лишь их,

Все одинаковы, как шпульки,
И многие обречены
Носить Зюганова бирюльки
И Умалатовой чины.

За мёртвых славятся живые,
Тех нет, кто первым шёл, крича.
Умей награды боевые
От юбилейных отличать.

И приукрашивать не надо,
Не рвите жёсткой правды нить.
Война не девушка: помадой
Её лицо не изменить».

Так говорил мне после встречи
Войны минувшей фронтовик.
С одной рукой, весь искалечен,
И я краснел, как ученик.

Ему обязана держава –
Что над рейхстагом флаг зардел.
Не гроздь медалей – орден Славы
На эту встречу он надел.

МАРШ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Её певали под тальянку
И при царе, и при вождях.
Тот марш «Прощание славянки»
Опять звучит на площадях.

Была и есть та песня с нами,
Одна на целую страну,
Она бросала в бой, как знамя,
Солдат в минувшую войну.

Она была в пустыне влагой,
Она как меч, она как щит.
Она звучала, как присяга,
И нынче клятвою звучит.

«И если в поход
Страна позовёт
За край наш родной,
Мы все пойдём
В священный бой,
В священный бой!»

ТАКОЙ НАРОД НЕ БУДЕТ ПОБЕЖДЁН

Александру Деревнину

У нас тысячелетья за плечами,
Тысячелетний тяжек наш удел...
Нас метили ливонскими мечами
И жалами монгольских быстрых стрел.

Да, много нас от Дона до Амура,
В пространстве нашем – мужества исток.
Мы грудью закрывали амбразуры
И шли с крестом на Север и Восток.

Мы велики. Чужих земель не жаждем.
Кто виноват – истории видней.
Не в нас вина, что в два столетья дважды
Пришлось поить из Одера коней.

Мы знаем это. Нас учить не надо
Бросать штандарты вражеских племён...
Весь мир гордится славой Сталинграда.
Такой народ не будет побеждён!

Он Родине своей не из-за страха,
Из-за любви, я в этом убеждён,
Отдаст свою последнюю рубаху.
Такой народ не будет побеждён!

И если бой, то будет, как обычно, –
Мы встанем все под пламенем знамён.
Мы многолики и многоязычны.
Такой народ не будет побеждён!

*Историю страны
перелистав...*

ПРИЗНАНИЕ

Ушло в небытие ещё столетье,
Где коммунизм маячил впереди,
Мы родились в такое лихолетье,
Что повторить, господь, не приведи.

Историю страны перелистав,
Нашёл беду, что с нами приключилась, –
Нам запретили веровать в Христа,
А с партией идти не получилось.

Она, считалось, так была сильна...
А на поверке – жалкие лишь крохи...
И оказалось, не была она
Ни честью и ни совестью эпохи.

Огромная богатая страна.
Всем правила партийная элита,
Как оказалось, вечная стена
Была отнюдь совсем не из гранита...

Случилось это с нами не вчера...
Устроив рай себе за башней Спасской,
Партийных резолюций мастера
Народ всю жизнь кормили доброй сказкой.

Хоть без корон, но были, как цари,
Все наши экзотичные генсеки.
Им верили. И, что ни говори,
Мы весь свой век скребли свои сусеки.

И начался в стране большой раздрай,
Устон вековые изуродав.
И было ясно – наш российский рай
Не был магнитом для других народов.

Не отрицаю и своей вины,
Что явной лжи поверив легковерно,
Я был песчинкой каменной стены.
Которая разрушилась мгновенно.

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

.Людмила Пазиной

Не нытик по жизни я вроде,
Но горько становится мне:
Сегодня учитель не в моде,
Сегодня торговец в цене.

Но вы, господа-лицедеи,
Забыли в приёмах-пирах –
В России не деньги – идеи
Всегда и в сердцах, и в умах.

Не мы ли учили вас в школе,
Чтоб память хранили как честь,
Что есть Куликовское поле
И Бородинское есть!

Да вы это знаете сами –
В России героев не счесть,
Есть Невский, Донской и Сусанин,
И Жуков с Матросовым есть!

Мы, память свою не запятнав,
С «За Родину!» шли на устах.
Без этого мы в сорок пятом,
Наверно, не взяли б рейхстаг.

К чему эти яхты и виллы?
Боюсь я, что он не отвык...
Дождёться! Насадит на виллы
Вас бедный российский мужик.

Не думает власть о народе...
Мне хочется жить в той стране,
В которой коммерция в моде,
В которой учитель в цене.

ПО ФАКТАМ Я ИСТОРИЮ УЧИЛ

По фактам я историю учил.
Из правды фактов истина рождается.
...Пять лет тюрьмы сосед мой получил
За килограмм поджаренной пшеницы.

А он в колхозе с детства спину гнул...
И по указке тех, кто у кормила,
Он вдоволь накормить мечтал страну,
Она мальчишку в проголодь кормила.

Был у мальчишки, как у взрослых, день,
И – как в Сахаре – огненное небо.
Он получал тогда на трудодень
Не больше, чем по полбуханки хлеба.

И как не вспомнить здесь про совесть, честь
В ряду простых житейских истин вечных,
Когда ему хотелось просто есть,
И не по-зверски, а по-человечьи.

Но увезли его в один момент.
В семнадцать лет, совсем ещё зелёным.
Чтоб возводить из бронзы монумент
Вождю народов средь степи над Доном.

А утром вождь, едва отринув сон,
Им, зэкам, строго всматривался в лица.
А весил монумент под сотню тонн,
Сосед сидел за килограмм пшеницы.

А что сказать о наших материах?
Они ведь нас без отпусков рожали...
А пленных немцев в русских лагерях
И то, пожалуй, лучше содержати.

Но нарастал безумной лести вал:
Везде и всюду *Сталин*,

Статинъ

Статин.

У тех, кто голос против подавал,
Безгласно тотчас головы слетали.

Открылась эта истина не мне –
Давно известен факт такого рода,
Что заняты правители в Кремле
Отнюдь не сбережением народа.

Народ наш таял с лёгкой их руки.
И, как всегда, в российском нашем духе –
На лесосеках гибли мужики,
А их родные – в ссылках, с голодухи.

Вот говорят: «Россия велика!».
Да, велика.
И не одним пространством –
Она себя прославила в веках
Победами с завидным постоянством.

Во все века российский наш Иван
Врагу навстречу поднимался дружно.
На эшафот он шёл и на таран,
Терпел лишенья, если было нужно.

Народ же таял. Был большой разор.
Мы шли на ощупь. Было всё нам внове.
Хоть побеждали мы врагов и мор,
Но все победы стоили нам крови.

В России тюрьмы строились не зря,
К тому ж надёжно строились при этом.
Сидели в них, кто шёл против царя,
А позже те, кто шёл против Советов.

В России несудимым быть смешно:
Здесь каждый пятый побывал в кутузке,
Кого на повороте занесло,
Кто сел туда по пьянке нашей русской.

О, эти будни сталинской тюрьмы!
Там, как врагов, на дыбе проверяли...
И не случайно лучшие умы
В буквальном смысле головы теряли.

Народ наш таял. А народ каков?
Был каждый третий иль Донской, иль Невский.
В застенках сгинул храбрый Кутяков,
И был расстрелян маршал Тухачевский.

Есть, видно, правда у людской молвы,
Что и война бы не продлилась долго,
И не дошли бы до Москвы, *и не сущи*
Тем более что не дошли бы до Волги.

Народ наш таял. И какой позор!
Не знали бы мы такого поворота,
Чтобы полком командовал майор,
Чтобы сержант командовал бы ротой.

И недостатка не было бы в умах,
И, без сомнения, мы лучше бы жили,
Когда бы на Колыме и в Соловках
Мы сотни тысяч их не погубили.

И всё же лучшей верю я судьбе
Твоей, Россия. Хоть сошла ты с тракта
И шла по тропке за ВКП(б)...
Но я учил историю по фактам.

А главный же в истории – народ,
Пусть не поднимет руку брат на брата.
И как ни трудно, он идёт вперёд
И не желает к прошлому возврата.

*Рафаэлю Карпенко,
почётному гражданину г. Балаково*

Всех наших дел тяжеловесный груз
Не выбросить, как вещи из котомки.
Судить, как мы прожили, не берусь,
Об этом скажут лучше нас потомки.

Услышат ли они тебя или меня:
Ведь до сих пор с историей всё сложно...
Историю не надо изменять.
Да это, коль всерьёз, и невозможнo.

И если нам уж честным быть совсем,
Отбросив многих глупых слухов толки,
То нас сгубил не только дядя Сэм,
А словоблудье и пустые полки.

Всё было: и Чубайсы, и братки,
Как и Гастелло был, и полицаи.
Зачем вы нас трясёте за грудки,
Расстрельных списков факты отрицая?!

Да, вы в своих суждениях легки
И обо всём забыли быстро слишком...
Кто жаждет сильной сталинской руки,
Пускай готовит сменное бельишко.

2015 г.

Марии Шпак

В глухой тайге под Магаданом
Он завершил свой долгий путь...
Есть документ об оправданье,
Но человека не вернуть.

В России много есть пословиц
Про переменчивость в судьбе.
Он взят, как бывший сапожковец,
По линии энкавэдэ.

И там, в тайге, с упорством бычьим
Пять лет он с гаком отрубил.
Он был и золотодобытчик,
И лесорубом тоже был.

Но подфартило раз случайно –
Сбежал в тайгу он в ноябре.
В кармане – нож, в котомке – чайник
И три десятка сухарей.

Он не боялся этой шири
И лютой стужи на заре:
Бежал он раньше из Сибири,
Но это было при царе...

Он шёл на юг, не замечая
Ни холода, ни темноты.
Лихой комвзвода у Чапая,
Он с Кутяковым был на ты.

Тогда он молод был. Любые
Преграды брал наверняка.
Но нынче дрогнул он впервые:
«Как ты, Россия, велика!»

Он брёл в мороз Победы ради,
Но нет уж сухарей в суме...
Хотел сражаться в Сталинграде,
А сгинул здесь, на Колыме.

2011 г.

ГУЛАГ

Там нет иллюзий,
Там вечный страх.
Была в Союзе
Страна Гулаг.

Там люди – тени,
Там лай собак.
Мир привидений –
Страна Гулаг.

Тайга и тундра,
Им нет конца.
Представить трудно
Там жизнь отца.

Он злобных враков
Не миновал.
Семь зим в бараках
Прозимовал.

И миф про небыль
Их не сотрут.
Про пайку хлеба,
Бесплатный труд.

Как ад – жизнь в зоне,
Он вспоминал
Ухту, Лагкоми,
Лесоповал.

2017 г.

Опять Россия на распутье
В который раз...
И вновь её нахально мутит
Чиновный глаз.

И вновь копытом землю роет
Лихой конёк...
И снова нас в колонны строят –
Под козырёк!

Какие нам готовят бредни?
Какой расклад?
И, к сожалению, не последний
И Листвев Влад!..

Постигнуть степени безумства
Ты не моги.
Узнай величие искусства –
Молчи иль лги.

Сказать, что зло промчится мимо,
Я не берусь.
Не сотвори себе кумира,
Святая Русь!

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Она сегодня стала модной,
Хоть каждый видит в ней своё...
Им повиниться б всенародно –
Всем-всем хулителям её.

Всем тем, кто в грязь её вмесили
Лишь по наитию, зазря.
Всем, кто защитников России
Считали слугами царя.

Сыны одной страны и веры,
Герои! – грудь у всех в крестах –
Георгиевские кавалеры
В расстрельных падали кустах.

Лишь горсть земли в походных ранцах
Да бант Георгия в сумах...
Ах, сколько их – донцов, кубанцев –
В заморских сгинуло краях!

А сколько их поперебило?!

(Бездумна Русь, когда вольна.)

Всё это было, было, было –
Страшна гражданская война!

О, если б мы предугадали,
Не перешли безумства грань,
Сапог германский не видали б
Ни Дон казацкий, ни Кубань.

В чужих краях и континентах
Лежат российские сыны.
...Пестрят георгиевские ленты,
Как знак отваги и вины.

2012 г.

Он в жизни не был в ресторане,
Ещё бы – при такой нужде...
Контужен был и трижды ранен
В войну, при Сталине-вожде.

Он до Германии дотопал,
И, может, от того страдал,
Что повидал он пол-Европы
И жизнь иную повидал.

Его за это не судите,
За всесоюзный наш позор:
В своей деревне победитель
Нашёл безлюдье и разор.

Вновь от восхода до заката,
Как все, трудился он в селе.
Лишь только на одних плакатах
Жить стало людям веселей.

...Когда у ресторанный стойки
Я вижу щёголей-юнцов,
За них мне совестно.
И только
Ещё обидно за отцов.

Эти фотографии студентов 4-го курса были помещены
на институтской Доске почёта в 1958 г.

Директор Ламбергской 8-й школы В.И. Уоловников
у памятника собирателю карельских рун Вяйнемяйнену,
Сортавала, Карелия, 1 мая 1963 г.

Будущие учителя истории по окончании 1 курса пединститута.
В центре первого ряда – В. Уполовников, г. Петрозаводск, июнь 1955 г.

С отцом Иваном Степановичем и матерью Верой Ивановной на фоне школы № 1, которую закончил в 1953 г., г. Ершов, август 1960 г.

На руинах родимого дома,
с. Перекопное Ершовского района, июль 1962 г.

Супруги Уполовникovy – учителя Ламбергской 8-й школы,
г. Сортавала, май 1963 г.

Встреча учащихся СШ № 16 с писателями
А.В. Стенькиным (г. Пенза), П.А. Булганим (г. Вольск),
В.Н. Сафоновым (г. Саратов) 3 ноября 1979 г.

Портрет Н.А. Горохова в литературном музее СШ № 16. Слева направо: Л.И. Голосова, Н.А. Горохов,
Л.Р. Миролюбова, В.И. Уполовников, И.А. Троицкина, август 1978 г.

Группа советских писателей после встречи с учениками в литературно-краеведческом музее СП № 16.

Справа налево: И.А. Арсентьев (г. Самара), А.А. Саакян (г. Ереван), В.А. Разуминич (г. Москва), Я.З. Шведов (г. Москва), О.М. Любовиков (г. Кирров), А.С. Шушпанов, В.И. Ушловников, Балаково, 19 мая 1978 г.

Передача подарков балаковцев писателю-земляку.
Слева направо: В.И. Уполовников, В.А. Разумневич,
Ю.Ф. Чемакин (военрук СШ № 16), г. Москва, 21 ноября 1981 г.

Беседа с представителями молодёжной делегации ЧССР в СШ № 16.
В.И. Рогов, В.К. Ерошкин, В.И. Уполовников, 1982 г.

Семья Уполовниковых – Галина Константиновна, Виктор Иванович, Людмила Михайловна с дочерью Марией и сыном Павлом, г. Балаково, 1987 г.

Герой Советского Союза К.Н. Кузнецов, полный кавалер
ордена Славы И.Н. Соловьев и др. слушают рассказ
В.И. Уполовникова о работе литературного клуба «Истоки»

На встрече с учащимися гимназии № 2 г. Балаково.
В.И. Уполовников, П.А. Мурыгин (председатель Совета ветеранов),
А.М. Степанов (контр-адмирал)

С бывшей ученицей, выпускницей школы в 1967 г.,
народной артисткой РФ Е.А. Сапоговой, г. Саратов, март 2008 г.

С земляком, героем стихотворения «Кулак» В.А. Бубновым,
г. Балаково, март 2016 г.

С главой г. Балаково А.Ю. Овсянниковым
и главой БМР И.В. Чепрасовым на открытии обновлённого музея
поискового отряда «Набат», сентябрь 2015 г.

На юбилее 80-летия В.И. Уполовникова в Совете ветеранов,
апрель 2016 г.

Глава г. Балаково А.Ю. Овсянников
вручает почётную грамоту В.И. Уполовникову
за активную работу в Совете ветеранов, март 2017 г.

С супругой Людмилой Михайловной после вручения свидетельства
о занесении на городскую Доску почёта,
г. Балаково, сентябрь 2016 г.

**После окончания творческого вечера 7 апреля 2016 г.
с членами литературного общества «Утро»**

**После вручения В.И. Уполовникову свидетельства о присуждении
Гран-при на областном конкурсе с председателем Саратовского
отделения СП России В.Г. Гурьяновым и балаковцами
В.С. Горенковым, А.Н. Кензиним, г. Саратов, декабрь 2015 г.**

С супругой Людмилой Михайловной

Выступление перед читателями
Центральной библиотеки, г. Балаково, 2016 г.

С членами литературного общества «Утро» после лекции, г. Балаково, март 2016 г.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

*Пусть надо мной – без рыданий –
Просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
Русскими танками в Праге».*

E. Евтушенко

Жизнь никому повторно не начать...
Усвоили мы с детства хорошенько:
Хоть родственно фамилии звучат –
Черненко ведь совсем не Евтушенко.

Они – по разным сторонам межи,
Один – генсек, другой, как волк, затравлен.
Один – в стене Кремлёвской возлежит,
Другой был в Праге танками раздавлен.

Генсек льстцами был живым воспет,
На пьедестал был вознесён беспечно...
«Поэт в России – больше, чем поэт», –
Сказал другой. И сказанное – вечно.

И не сотрут стихи ни время и ни ржа,
Они вечны, как и вечна природа.
И не в стене он предпочёл лежать –
В одной земле, как большинство, с народом.

Был Евтушенко в 30 лет кумир.
Его бивали, но он был не сломлен:
Его стихи цитирует весь мир.
Речей генсека и у нас не помнят.

05.04.2017 г.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Виктору Зуеву

Не случайно и не подшофе
Обнимались,
крепко жали руки –
Встретились коллеги у кафе
После долгой, в двадцать лет, разлуки.

И внимание обратили все,
Как у входа, скрипнув костылями,
Инвалид за столик грузно сел,
Был не вздэвэшник он совсем,
Трое были все учителями.

И делились, встречею горя,
Просто новостями бытовыми.
Пили пиво «Три богатыря»,
Хоть совсем не были таковыми.

Был один чахоточный на вид,
Тот, кто заказал дешёвый столик,
А другой был с детства инвалид,
Третий был давнишний гипертоник.

С воблой ржавой смаочно пиво пили,
Вспоминали тех, кто, может, зря
(Но не осуждая и кляня!)
Убежал из школы в слесаря –
Мужикам побольше там платили...

И жалели, испытавши гнев и боль,
Что сменились гимны, гербы, флаги.
Вспоминали, как делили хлеб и соль
Жившие пять лет в одной общаге.

И жалели, что не без причин
Вопреки традиции вселенской
От дискредитации мужчин
Стала школа сплошь и рядом женской.

А они в те трудные года
Славословий и сенсаций шатких
Детям помогали отгадать
Непростой истории загадки.

Да, они не возводили ГЭС,
Но с душой лепили человека.
И не возносили до небес
Ни царей деянья, ни генсеков.

Пусть иные преподносят чушь
С голубой каёмкою на блюде,
Что спасли нас тысячи «катюш»,
Сотни танков, тысячи орудий,
А не геройство российских душ
И простые россияне, люди.

Нам иного в жизни не дано:
Дух российский – всем врагам преграда.
Было так и при Бородино,
Было так же и под Сталинградом.

Двадцать лет... А в школьных их делах
Ведь порой скрывается и мина:
Числятся у них в учениках
Все, от вора и до предсовмина.

Спорили коллеги и друзья,
Что важней – душа или броня?
(Таяли в карманах отпускные.)
Пили пиво три богатыря,
Хоть на вид не были таковыми.

2012 г.

ТРОЕ

На улице морозно и темно,
Метель метёт сильнее час от часа.
Они все трое вышли из кино,
С последнего воскресного сеанса.

Идёт солдат бывалый, как в плену...
В плену метели, ничего не видя:
Он не любил в кино смотреть войну,
Войну с войны всей жизнью ненавидя.

Ходил в штыки не раз он под Орлом,
Бывал и в наступленьях, и в осаде...
От вражьих бомб зимой в сорок втором
Семья его погибла в Ленинграде.

Он сам войну за Вислою кончал.
Он помнит день январский в сорок пятом,
Как он комбату в трубку прокричал:
«Огонь по мне! По пятому квадрату!»

И содрогнулась твердь чужой земли...
Средь вражьих трупов, камня и железа
Друзья его бездыханным нашли.
С тех пор и породнился он с протезом.

...А в полуутёмном зале тишина,
Здесь каждый, как перед бедою, замер:
Глядит с экрана на людей война,
Глядит своими жадными глазами.

Солдат опять, казалось, на войне
Окопы рыл и по болотам плюхал...
И в этой бесконечной тишине
Шептался кто-то у него под ухом.

Их было двое. И во все глаза
Они глядели больше друг на друга,
Чем на экран. Наверно, в этот зал
Их привела зима, мороз и выюга.

...Взвод насмерть дрался около реки,
Солдаты переправу прикрывали...
А сзади шёпот: «Что за чудаки!
Зачем они так жизнью рисковали...»

И шоколадки опуская в рот,
Гремели станилевой бумажкой...
Но не ответил им стрелковый взвод,
Умолкли моряки навек в тельняшках.

Так парень всё кино шептался с ней...
И не взирая, так сказать, на лица.
Вот и теперь он чистит шубку ей
И греет ей дыханьем рукавицы.

На улице морозно и темно.
Метель срывает на прохожих злобу.
Они вошли все трое у кино
В последний переполненный автобус.

Они вошли: он – инвалид-солдат,
И двое, два цветущих человека.
Ему уже минуло шестьдесят,
Им вместе не исполнилось полвека.

В автобусе не сядешь – теснота,
Но как-никак, а им нашлось два места:
Присел солдат и рядышком с ним та,
Знакомая иль, может быть, невеста.

Её попутчик рядом с нею встал,
Как манекен красив: улыбка, «баки».
Он что-то ей игриво ворковал,
В глаза глядя с готовностью собаки.

Всё взбудоражил, всколыхнул экран
Всю жизнь солдата, всю войну до часа...
А парень вдруг: «Подвинься, старикан».
И встал солдат бессрочного запаса,

Встал по уставу гвардии сержант,
И стало душно, будто в преисподней,
Наверное, смертельную из ран
Он получил не на войне – сегодня.

И, отказавшись от свободных мест,
Он раньше нужной остановки вышел.
Шагал солдат, скрипел его протез,
Да ветер шалый грохотал по крышам.

Пришёл домой и, палку отложив,
Привычно в угол сел, усталый, в зале.
О том, что он их кровью заслужил,
Молчат в столе солдатские медали.

1968 г.

РОВЕСНИКУ

Мне век до обидного кажется тесен,
Для множества дел мало жизни любой.
Мой школьный товарищ, мой друг и ровесник,
По тридцать исполнилось нам уж с тобой.

У нас за плечами нет подвигов дерзких,
Не выпало нам поворачивать вспять
Полки беляков, как герой Тухачевский,
Которому было всего двадцать пять.

Не выпало нам, как Матросов, сражаться,
Как на самом последнем своём рубеже.
А было герою всего девятнадцать.
Нам тридцать. И мало и много уже...

Закончена школа. И я не забуду,
И ты не забудешь тех светлых минут,
Когда ты сказал: «Я геологом буду»,
А я на истфак поступил в институт.

По правде сознаться, не знаю я, где ты,
Ведь мы не встречались который уж год.
К тому ж от тебя – ни письма, ни привета,
Скажи, у каких ты широт и долгот?..

Быть может, идёшь ты по сопкам горбатым,
Неся за плечами рюкзак, как судьбу.
...Ты знаешь, у нас здесь такие ребята –
Пока не герои, но звёзды их ждут.

Ветрами продуты и солнцем сожжёны,
Работа их подвигу чем-то сродни.
Рабочие парни, совсем не пижоны,
Я пульс своей жизни сверяю по ним...

Я их полюбил – беспокойных колумбов,
В бетон одевающих Волги бока.
Мечтают они о проспектах и клумбах
И месят проклятую глину пока.

Они не ворчат, что чертовски им трудно,
Гордятся нарядом брезентовых роб,
Колдуют с огнём эти рыцари будней,
Надвинув щитки, как забрала, на лоб.

Пусть скажут иные: «Вот, тоже герои...»
Таким я отвечу резонно вполне:
Пусть все, как они, не стремятся к покою,
И будет спокойней тогда на земле.

Не быть в стороне, не бояться обидеть
И дружбой, как честью своей, дорожить,
Любимых – любить, а врагов – ненавидеть, –
Вот так, не иначе, мечтаем прожить.

А к жизни у нас есть особая жажда,
Мы вечно спешим, да и как не спешить?
Так мало для Родины сделано каждым,
А хочется многое нам совершить.

1967 г.

МОИ УЧЕНИКИ

Александру Лабознову

Здесь молнии крылатые
От сварок, как в грозу,
Грохочут экскаваторы,
Промёрзлый грунт грызут.

То с блоками, то с трубами
Ведут грузовики
Ребята белозубые –
Мои ученики.

Когда же в школьном здании
Засветятся огни –
Сюда, как на свидание,
Торопятся они.

Над формулами, датами
Потеют в перерыв,
Руками грубоватыми
Учебник перерыв.

Я знаю, как не просто им,
Найти на всё ответ,
И парты не по росту им,
И возраст – тридцать лет.

Но радостно учителю,
Я горд до немоты,
Что с книгою строители,
Как с мастерком, – на «ты».

...А утром снова с грузами
Ведут грузовики
Ребята белозубые –
Мои ученики.

Пускай метели кружатся,
Беснуется река...
Но ГЭС, как символ мужества,
Здесь встала на века.

Мои коллеги строгие,
Не про героев книг –
Я буду на истории
Рассказывать о них!

ПАРНИ

Николаю Слепнёву

Ходят парни по городу,
Ходят жилгородком,
Всё им близко и дорого,
Каждый дом им знаком.

От домашнего берега
В жизнь спешим мы вступить,
Открывали Америку
Здесь, на стройке в степи.

Не в зюйдвестках, а в робах,
И в глазах не покой,
В жизни первая проба
Получилась какой?

Не о почестях, славе,
Чтобы – орден в Кремле,
Им бы только оставить
Добрый след на земле.

Листья клёнов оранжевых
Шелестят, как вода...
Клёны ими посажены
В честь приезда сюда.

Зеленели им вёснами
Деревца-малыши,
А теперь они – взрослые,
Не достать до вершин.

Эта площадь и улица –
Как любовь в их груди.
Ходят парни волнуются:
Сколько дел впереди...

Первый дом здесь и первый
Поцелуй на заре...
Парни, парни, он верный –
Первый шаг по земле.

1970 г.

КАМЕНЩИКИ

Николаю Мещанинову

Город наш растёт в степи,
Праздничный, как радуга,
Как хорошие стихи,
Людям сердце радужа.

Здесь дома за рядом ряд
Строгие и лёгкие,
Не кладут их, а творят
Каменщики ловкие.

В зной, мороз – на этажах.
Осенью – под дождичком.
Мастерок у них в руках
Точно кисть художника.

Подровняет, постучит,
Доведёт до точки, –
И ложатся кирпичи
В каменные строчки...

Сколько ты их уложил?
Что ни день – то тыщи!
Кран тебе на этажи
Подаёт ручищу.

Но железная рука
В проводах, как в венах,
Устаёт, наверняка,
К окончанью смены.

Не скрывай – и ты устал!
Пот бежит за воротом.
Я б таких на пьедестал
Ставил в каждом городе!

1967 г.

МАЛЯРЫ

На работу маляры
Рано утром вышли.
Красят в комнатах полы
Цветом спелой вишни.

Кисть прошла вперёд, назад
С краской белоснежной –
Окна в доме, как глаза,
Засияли нежно.

Целый день не отдохнут.
И не чудо в сказке –
Это дому жизнь вдохнут
Маляры и краски.

Чтобы людям – будь здоров –
Здесь жилось, как пелось.
На работу маляров
Солнце загляделось.

Так в труде проходят дни,
В сердце радость будят.
Что-то с солнцем их роднит
В их служенье людям.

И когда домой идут
Маляры дорогой,
Солнце им за добный труд
Кланяется в ноги.

1968 г.

Каблуки стучат по тротуару,
Где девчонки вечером идут.
Им ребята тихо под гитару
О любви, наверное, поют.

А они, гордячки, как не слышат их
И идут туда, где до небес
Золотыми звёздочками вышита
Над рекой встаёт громада-ГЭС.

Слышит Волга, как заворожённая,
Их мечту о том счастливом дне,
Как огни, руками их зажжёные,
Космонавт увидит на Луне.

И обнявшись, ходят фантазёры
Улицей Титова до зари,
Вслед глядят им сонно, как вахтёры,
Жёлтыми глазами фонари.

КОСМОНАВТЫ

Не сегодня так завтра
Наши сбудутся сны –
Долетят космонавты
До далёкой Луны.

Открываем мы эру
И космических встреч.
Ты услышишь, Венера,
Нашу русскую речь.

Парни учат морянку,
Отвыкают курить.
И цветы марсианкам
Скоро будут дарить...

Мне не быть среди первых
В марсианской ночи:
Про здоровье и нервы
Мне толкуют врачи.

И не к звёздному старту
У Земли на виду,
Я со школьною картой
В класс, волнуясь, иду.

Вновь тетрадки и книжки,
Объясненье, опрос...
Задают все мальчишки
Про Венеру вопрос.

Нарушают порядок...
Не с дошкольных ли лет
У мальчишек в тетрадях
Караваны ракет?

Им узнатъ бы про радий
И про тайны лучей...
Труд наш стоит тетрадей
И бессонных ночей!

А в награду за это
Мне узнатъ только б миг:
Первым к дальним планетам
Мчится мой ученик!

1970 г.

Галине Кирпичниковой

Мы родились с тобой в апреле,
Текли ручьи во все концы,
Когда по всей округе пели
Любимцы общие – скворцы.

Деревья соком набухали,
Чернели пашни вдоль дорог,
И тихо матери взыхали:
«Не обдели их счастьем, Бог».

И нас судьба не обделила,
Как говорится, всё при нас...
Случалось, дьявольская сила
С размаху била между глаз.

Наверно, логика есть в этом –
И не железных, не стальных,
Сначала бьёт всегда поэтов,
Ну, а потом – всех остальных.

Бьют без разбора, бьют по-скотски,
Ватагой дюжих молодцов.
Примеры? Бродский и Высоцкий,
Шукшин, Твардовский и Рубцов.

Мы родились почти что летом,
Апрельским неприглядным днём...
Но мы с тобою не поэты,
А значит, долго проживём.

1986 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЮНОСТИ

*Михаилу Мочатову,
однокурснику*

Когда мы были пацанами
И было нам по двадцать лет,
Легко делили мы с друзьями
Свой бедный, как и мы, бюджет.

И выбирать меню не нужно,
В общаге каждый с ним знаком:
Студенческий стандартный ужин,
Батон с бесплатным кипятком.

Как по известной поговорке
И лёгкой зависти других,
Восьмиметровая каморка
Была дворцом для четверых.

Хоть в тесноте, да не в обиде
Мы жили,
Люб ты иль не люб...
Была общага нам обитель
И наш дискуссионный клуб.

Не ведали мы искушенья
Жить незаметно, как кроты.
И про партийные решенья
Мы спорили до хрипоты.

Мы не хотели потеряться
В единомыслии чинуш,
Хоть было нам тогда по двадцать,
И съезд двадцатый был, как душ.

Мы знали это априори –
Такое время во дворе.
Служить готовились мы школе
И деревенской детворе.

На весь сентябрь не понарошку,
По праву беспокойных душ,
Мы уезжали «на картошку»
В село, в Олонецкую глуши.

Где дождь тягучий, как резина,
Где люди тощи, как доска,
Где в сельском местном магазине
Лишь хлеб да водка, да треска.

Но мы об этом не жалели –
Груздём назвался, так держись,
Трески мы этой переели
На всю оставшуюся жизнь.

Когда случилось, что не снилось, –
Кумир народу стал не люб.
Всё в августе переменилось,
Власть рухнула, как сгнивший сруб.

И каждый, кто тому свидетель,
Страдал, как девушка раним.
Мы не сжигали партбилетов,
Как память юности храним.

О золоте и об агатах
Мы не мечтали в те года...
А были мы одним богаты –
Мы были молоды тогда.

ВСТРЕЧА

Александру Пухе

«Мы всё равно с тобою встретимся
Не через год, так через два», –
Так я тебе июльским вечером
Сказал нелестные слова.

Но не судьба... Какая жалость...
И почему? – Ответа нет.
И наша встреча состоялась
Спустя почти что двадцать лет...

...В пустом фойё театра драмы
Она прошла, парчой шурша,
Холёная, как лебедь, дама.
Она и нынче хороша...

Не подойти к ней было глупо,
Ведь с нею мы почти сродни:
Пять лет в одной учились группе,
Дышали воздухом одним.

Она мечтала стать артисткой,
Носила платье кимоно,
Считалась даже активисткой...
По посещениям кино.

И танцевала с упованьем
Хоть час, хоть два, хоть три подряд,
Охотно пользуясь вниманьем
Словоохотливых ребят.

Прически делала занятно,
Неся один лишь в жизни груз –
Платила взносы аккуратно
И в комсомол, и в профсоюз.

Предмет давнишних вздоханий
Далёких невозвратных лет...
«Какая встреча! Здравствуй, Таня!»
«Так, это, Виктор, ты? Привет!

Ах, боже мой, какая встреча!
Ты пополнел и чуть подрос.
Я помню спор в тот летний вечер...
А ты, наверное, партбосс?!»

«Нет. Я учитель! И доволен,
Что остаюсь самим собой».
«Да, да, конечно, каждый волен
Свою управлять судьбой».

«А как подруги, Лида, Алла?
Все замужем?» «Конечно, все.
Недавно Лиду я встречала,
Она учителка в селе».

«Я не за барышень кисейных
По деревенской простоте...»
«Они, ты знаешь, из «идейных» –
Кто в Пудоже, а кто в Ухте.*

Но, боже мой, так жить по-скотски...
Грязища, печка... – не по мне.
А я живу в Петрозаводске,
И комфортабельно вполне.

Ведь у меня есть всё, учти ты!
Машина, дача, видный муж.
А ты... ты сельский лишь учитель
И не заслуженный к тому ж...

Имею крышу я и кровлю,
И сам министр со мной знаком.
Я – видный менеджер торговли,
Торгую водкой и вином».

И тут – как будто наважденье! –
Я всё припомнил в тот момент.
Тот день, тот час распределенья
Забудет ли какой студент?

...Она стоит, как на допросе,
Ей нынче тоже тяжело...
Нет, здесь не требуют, а просят
Поехать в дальнее село.

*Пудож, Ухта – наиболее удалённые районы Карелии.

Она то губы жмёт упрямо,
То вдруг растает словно воск:
«Ах, как я буду жить без мамы,
Оставьте мне Петрозаводск...»

Потом грозит кому-то справкой...
И, как решила ты давно,
Я знаю, правдой иль неправдой
Ты не поедешь всё равно.

Ты не поедешь – знай, мол, наших,
И чадо милое любя, –
Ты в том уверена – папаша
Пристроит где-нибудь тебя.

Ты колдовать пойдёшь глазами,
Пойдёшь пороги обивать.
Не всё равно при зав иль заме
Ты будешь время убивать.

И не узнают ребятишки
Как звать тебя и величать.
Напрасно носят в школу книжки
И ходят каждый день встречать.

Я всё сказал им без утайки,
Про всю твою неправоту.
Пойдут девчонки тихой стайкой,
Мальчишки, морща лбы, пойдут.

Как будто в чём-то виноваты...
И их молчанье, как упрёк:
Он не понятен был ребятам,
Тобой преподанный урок.

И не оценишь ты при этом
И валенки, и снега хруст.
И жаль, что дети про поэтов
Не из твоих узнают уст.

Ведь не в Москве, столице древней,
Не под шуршанье модных шин –
Родились, выросли в деревне
Рубцов с Твардовским и Шукшин.

И так извечно будет снова:
В одной деревне иль в другой
Растут Гагарины, Титовы,
Но лишь с фамилией иной.

«Нет, мне тебя не пересилить,
Хоть ты во взрослой уж поре...»
«Ты, извини, но в пол-России
Ещё удобства во дворе.

А ты всё город да столица...
А остальное – трын-трава?..
Не каждому дано родиться
В селе по имени Москва.

И не в Москве России сила,
И не за башнями Кремля –
Сибирь, Карелия, Курилы
Ведь тоже русская земля.

Как жаль, что на деревню волком
Иные смотрят день-деньской,
Как будто очень много толку
От их шатаний по Тверской.

Скажу всерьёз я, без иронии,
Что по превратности судьбы
Мы для Москвы – почти колония,
Мы для Москвы – почти рабы.

Я не надеюсь наmessию.
А потому хочу спросить:
А чем ты помогла Россию,
Державу нашу, укрепить?

И не отделаться ухмылкой
На переменчивость в судьбе...
Неужто, чтоб считать бутылки,
Диплом филолога тебе?!»

Я этой встрече (хоть обидно)
Не рад, как на лице прыщу.
Хоть внешне не подам и виду,
Но только сердцем не прошу.

Жить для себя? Быть может верно.
Живи, работай, не греши.
Я всё простить могу, наверно,
Но не бескрылие души.

Богатым людям трудно умирать:
Ведь как-никак, а всё-таки наследство.
При жизни как-то можно шельмовать,
А смерть придёт – и никуда не деться...

Он может всё: по-царски шиковать,
Летать в Париж три раза на неделе,
И ежедневно галстуки менять,
И покупать в постель себе моделей.

Да, в этой жизни многое он смог.
Он говорит, а ты молчи и внемли.
И кажется ему – он в этой жизни Бог,
Ему принадлежат моря и земли.

Но он как все. Он тоже человек,
Такая ж кровь, такие же болезни,
Такой же, как и всем, отмерен век
И деньги в этом деле бесполезны.

А смерть, наверно, тем лишь хороша,
Что не уступит никому и шага,
Ей все равны – и старый падишах,
И олигарх, и форменный бродяга.

Я – в большинстве. Не беден, не богат,
И верю я в неотвратимость смерти.
Не стану перед ней паниковать,
Приму её, хоть нехотя, поверьте.

У храма стоят мерседесы,
И форды построились в ряд...
Здесь в храме не бомжи, повесы –
Крутые ребята стоят.

Здесь кто-то один, кто с семейством,
Как речка лесная, тихи.
Стоят, чтоб молитвенным действом
Отмаливать, видно, грехи.

Зашёл, помолился – всё просто,
Пред Богом и совестью чист.
Так с раны снимают коросту
И в бане прилипчивый лист.

Пирамидки звёздные окрест –
Так погост запомнился мне в детстве.
Красная звезда и чёрный крест
Поселились нынче по соседству.

На могилках нынче всё кресты,
Год от года краше и дороже.
Это верно – нам средь суеты
Забывать покойников негоже.

...Я и сам в извечной суете
Раз за десять лет сюда заеду.
И на покосившемся кресте
Распознал фамилию соседа.

Он в отцы годился мне вполне
И далёкий родственник был вроде.
Отличился он на той войне –
Пять медалей и вдобавок орден.

...Пирамидки и кресты окрест –
Разные, как совесть предложила.
Для меня вот этот сгнивший крест –
Будто символ прежнего режима.

И о чём мы думали-гадали –
Ведь и дуб и тот гниёт годами.
И к тому ещё – такая жалость –
У солдата близких не осталось.

Как не упрекнуть свою страну –
Где её достоинство и сила?
...Им хватило сил пройти войну,
Ей на память денег не хватило.

ДА, МЫ УШЛИ

Игорю Караваеву

Да, мы ушли, но боль осталась:
Она – как рана, как угар,
Она и гордость нам, и жалость...
Она – и мой Кабул и Кандагар.

Мы не ответственны за это,
Мы выполняли лишь приказ.
Обидно слышать в кабинетах:
«Не мы туда послали вас!»

А боль осталась не случайно,
Как пыль Афгана на зубах,
Нельзя простить за то, что тайно
Везли нас в цинковых гробах.

Да, мы ушли, боль пересилив,
И всё ж обидно за ребят –
Мы воевали за Россию,
А получилось – за себя?!

Не за себя! В афганских скалах
Лежали без глотка воды...
Нельзя простить, что столько пало,
Что мы живём не без нужды.

Нельзя простить ошибку века.
Признай, держава, не греши,
Что твой солдат, солдат-калека
Живёт на пенсию – гроши.

Да, мы ушли. Но знайте, люди,
Мы воевали не за страх...
Так было, есть и вечно будет –
Не опозорим русский флаг!

Владимиру Горенкову

Он был убит в Чечне мятежной
Навылет в грудь из «калаша».
И улетела в мир безбрежный
Его солдатская душа.

Он не имел наград и званий,
Солдат из волжского села.
До самой, самой службы Ваней,
Ванюшой мать его звала.

Солдат убит. Отняли душу
Всего лишь девять грамм свинца.
Солдат убит. И нет Ванюши...
Нет сына, мужа и отца.

...А дед его имел награды,
До тридцати успел дожить.
Он смертью там, под Сталинградом,
Сумел врага остановить.

Да, там был враг. Фашист тем боле,
Нельзя врагу отдать народ...
А здесь? Ещё сильнее горе,
Здесь всё почти наоборот.

Солдат убит на поле брани.
Кто прав – неправ? Ответа нет...
И кто же он, убийца Вани?
Расул? Шамиль? Или Ахмед?

Не всё ль равно! Ведь общим хлебом
Мы все питались и клялись.
Ведь все мы под российским небом,
Под красным флагом родились!

Он двадцать лет всего лишь прожил,
Не всякий разумом силён...
И я прошу...
Прошу: «О, Боже!
Останови вражду племён!»

ЗВЕЗДА И КРЕСТ

Мы погасить едва ли вправе
Одноплеменников вражду,
Когда на их могилах ставим
Кому-то крест, кому звезду.

Звезда и крест... У нас свобода
В житейском выборе простом.
И всё же большинство народа,
Как видно, жило под крестом.

Наверно, предкам было ясно
Седой истории во мгле:
Звезда сорвётся и погаснет,
А крест... он вечен на земле.

И я родился под зездою,
Полвека я под нею жил.
Был, как и все, знаком с нуждою,
Звезде же преданно служил.

Моя родня была не лучше:
Звезда иль крест – сам выбирай.
Молилась так, на всякий случай,
А вдруг с крестом пропустят в рай...

**А я о рае не мечтаю,
Там дефицит, я знаю, мест.
И одного не понимаю:
При чём звезда, при чём здесь крест?**

**Была война, и сила вражья
Сметала всех их на пути –
Кто со звездою на фуражке
И с крестиком кто на груди.**

**Пред смертью с просьбою простой
К родным и близким я взываю:
Хоть я родился под звездой,
Но вечно спать с крестом желаю.**

Забыли мы
Традиций прошлых –
Хороним нынче
В гробах роскошных.

А на поминках,
Как на пирушках:
Селёдка, водка
И бой-старушки.

Богато жаждем
Отметить близких –
Гранитных больше
Всё обелисков.

Ведь были годы
(А их немало),
Надгробья были
Все из металла.

На сердце давит
Мне совесть снова:
Отец лежит мой
В гробу сосновом.

Ещё награды
С ним боевые.
Всю жизнь копил он
На гробовые.

Из дуба крест ли
Иль из металла...
Лишь на могиле
Трава б не вяла.

КУЛАК

Виктору Бубнову

Случилось же такое чудо,
Что, проведя всю жизнь в труде,
Имея лошадь и верблюдов,
Он кончил жизнь в Караганде.

Семейством всем пахал и сеял:
Супруга, сыновья и сам.
Он раньше матушку-Рассею
От неприятеля спасал.

Тогда ж к большевикам причалил
И к Ленину, что землю дал.
Не с кем-нибудь, с самим Чапаевым
Он власть Советов утверждал.

За землю ухватился жадно
Лихой чапаевец, орёл.
Он при царе был безлошадным,
Теперь верблюдов приобрёл.

Расчётлив, как боксёр на ринге,
И не любитель шиковаться,
Купил машинку фирмы «Зингер»
И стал соседей обшивать.

Беда пришла не весть откуда,
А по наводке стукача...
Имея лошадь, двух верблюдов,
Он превратился в кулака.

Всю жизнь трудягой он считался,
Теперь решили: он – кулак.
И в одночасье оказался
В стране по имени Гулаг.

И в степь огромную, как блюдо,
С охраной их увёз обоз.
А дом их, лошадь, двух верблюдов
Забрали, как у всех, в колхоз.

Была дорога длинной, трудной.
Супруга, дочка, сыновья –
Их бросили в степи безлюдной
Без света, жизни и жилья.

А у охраны голос зычный,
Ей не покажешь нрав и прыть...
Но русским людям всё привычно –
Землянки иль окопы рыть.

...Спустя лет десять, пересилив
Позор и кличу кулака,
Ушёл их сын спасать Россию
С позорной меткой штрафника.

А вскоре слух прошёл в народе,
Что сам пошёл он на войну,
Что лихо защищал комвзвода
Свой род мужицкий и страну.

Героем стал земляк отважный,
На совесть дрался, не за страх.
В село он приезжал однажды –
В медалях грудь и орденах.

Я тоже знал его немножко,
Ведь с ним мы были земляки.
Их дом саманный в три окошка
Стоял на берегу реки.

Страны крутые повороты
Едва ль исправить хватит сил...
Пока живут сыны сексотов
И те, кто произвол творил.

И все мы вольно иль невольно
Не знаем, где и чья вина...
И жаль, что до сих пор подпольно
Идёт гражданская война.

И нынче многие радеют
За тех, кто тайно доносил...
А внук чапаевца владеет
«Тойотой» в сотню с лишним сил.

УСЛЫШЬ, ЧТО НАРОД ГОВОРИТ

Мы – части одной пуповины,
Мы связаны общей судьбой.
Ты – наша любовь, Украина,
Так что же случилось с тобой?

С подачи каких таких бестий
Ты нынче на Запад глядишь?
Забыла, что брали мы вместе
С тобою Берлин и Париж?!

Как много их, дел этих славных,
С младенчества близких для всех!
И звоны церквей православных,
И песен народных напев.

От Лены до града Петрова,
Пожалуй, любого спроси –
Поймёт украинскую мову
Потомок великой Руси.

Ты к Западу рвёшься в объятья.
Наш путь общей кровью полит.
Сестра Украина, мы – братья!
Услышь, что народ говорит...

2015 г.

Николаю Горохову

Ты цветы степные и травинки
С детства знал, как я, наперечёт...
Потому на дачу по тропинке
Мы пешком ходили каждый год.

Долгий путь казался нам недлинным,
И в угоду своему дружку
Захлебнулись воздухом полынным,
Кланяемся каждому цветку.

А могли бы на такси добраться
До желанной дачи над рекой...
Но нам степь хотелось видеть, братцы,
И цветы собрать своей рукой.

В городе жара, автомобили...
Степь над Волгой – не охватит глаз.
Мы не меньше степь и Русь любили,
Чем Гамзатов горы и Кавказ.

Почему-то каждый раз неймётся,
Будто по велению судьбы,
Поскорей добраться до колодца,
Чтоб испить колодезной воды.

А потом вручить букет хозяйке
Неказистый – мальвы, иван-чай.
«Мужиков, хозяюшка, встречай-ка
Да по-русски просто привечай».

Был у нас закон, как говорится,
Как и у любого мужика –
Стопку водки выпить под ушицу
И со смаком скушать судака.

РАКИ

Так уж получилось, так уж вышло:
Как-то превратился я в купца.
«Сколько стоят раки?» – так и слышно
В придорожном рынке без конца.

Вышли дамы из машин без платьев,
Спутники почти что голых дам
Без раздумья по полтыщи платят
За раков, всего за килограмм.

Пять кило им взвесят за прилавком –
Радость до ушей у чудачков!
Мне их денег бешеных не жалко:
Им не жаль малюсеньких раков...

Как ты выживаешь, мать-природа?
Как тебе такое удалось?
Соглашусь, народ не без уродов,
Но их слишком много развелось.

Это наказанье для народа –
Ценят не умы, а кошельки.
Раков кушать нынче стало модным,
Модным стало жарить шашлыки.

В нашем детстве хлеба было мало,
Но не умирали без рачков...
А другие (их всегда хватало)...
Но не вся ж страна из дурачков...

2007 г.

ВЕРЮ ТОЛЬКО ДЕЛАМ

Я поре той, простите,
Не курю фимиам.
И мой первый учитель
Верил только делам.

И командуя ротой,
Он страну не предал.
Повидал он Европу
И людей повидал.

Ничего победитель
У судьбы не просил.
Пулей меченый китель
Он и в школе носил.

Про Элладу и Трою
Толковал он всю жизнь.
А уже кто-то строил
На земле коммунизм...

Отрицая, как видно,
Тот словесный бедлам,
Он с упорством завидным
Верил только делам.

Хоть мы вырвались в космос,
Только очередь вот...
Мы хватали за космы
Тех, кто рвался вперед.

Эти споры и давки
Сам я видел не раз,
И пустые прилавки,
И отчаянье глаз.

Шиковала элита,
И словесный рос хлам...
А наш мудрый учитель
Верил только делам.

Он уж жил на покое
И гордился: «Смотри,
Вот «дворец» свой построил,
Небольшой,
три на три.

И на сотках «батрачу».
И за то их ценю:
Хоть не стал я богаче –
Стало лучше меню.

Вот купил «Запорожец» –
Целой жизни доход.
Чуть шагнешь за порожек –
Всё растёт и цветёт».

...Посетить он Элладу,
Как мечтал, не сумел.
Вновь (кому это надо!)
Много слов,
мало дел.

И опять, посмотрите,
Вновь в чести похвала...
Я, как первый учитель,
Верю только делам.

1999 г.

Вот парадный подъезд...
Н. Некрасов

В тишине за дверьми парадными
Заседают градоотцы,
Их покой стерегут нарядные
Крутобёдрые девы-юнцы.

И щебечут они неуёмно,
Приглушая лукавство глаз:
«У шефа все дни неприёмные,
Лишь раз в месяц приёмный час».

Крутят шеями Нефертити,
Смотрят девочки свысока.
И хотите вы, не хотите,
А решенья у них в руках.

И порхают они, как бабочки,
Не скрывают свою красу,
В мини-юбочках в мини-папочках
Те решения разнесут.

Почему без иного мнения,
Плохо это иль хорошо,
Принимаются те решения
Для России, такой большой?

Не за это ж легли безвозвратно
Наши прадеды и отцы...
Вновь мудрят за дверьми парадными
Лысолобые мудрецы.

Зина кончила девять классов
И с подружкой давай решать –
В ПТУ поступать иль на трассу
Дальнобойщиков ублажать.

Аттестат у неё отличный,
Вот и бал выпускной прошёл.
Знала «плохо» что и «прилично»
Не по возрасту хорошо.

Мамка трудится в магазине
Хлебобулочном дотемна
И встречается с дядей Симой:
То ль любовница, то ль жена.

Курит девочка сигарету –
Хочет взрослою стать скорей.
У неё давно папки нету,
Есть компания блатарей.

Как принцессе бы ей одеться,
Ей к подъезду бы «Шевроле»...
Полюбилась ей песня Лепса
С рюмкой водочки на столе.

Заменила косички чёлкой,
Как хотела её душа.
Зина умной росла девчонкой
И собой была хороша.

И шофёр, красотой сражённый,
Подвезет, как попутный груз...
Но возьмёт ли её он в жёны,
Я судить о том не берусь.

РАЗМЫШЛЕНИЯ МУЖЧИНЫ, КОТОРОМУ ЗА 70

Как в жизни всё несправедливо:
Когда ты молод – денег нет.
Не тех, чтоб съездить на Мальдивы,
Хотя б купить в кино билет.

Иль пригласить в театр подружку,
Увидеть блеск любимых глаз...
Иль чтобы выпить пива кружку
В складчину с другом в месяц раз.

Как в жизни всё несправедливо:
Как разобраться: та ль, не та...
Иная выглядит смазливо,
А разберёшься – пустота...

...Теперь, когда ума палата,
Достаток есть на зависть всем,
Подружек выбор маловатый,
Точнее – нет уже совсем.

Запомни, друг, без многословья,
Зарубку сделай на носу:
Коль при желаньи нет здоровья,
То тут и деньги не спасут.

2000 г.

АФГАНЕЦ

Владимиру Горенкову

У гастронома был шикарный вид,
Реклама па выделявала в пляске...
Сидел вблизи безногий инвалид
На заводской обшарпанной коляске.

Он здесь уже прописан много лет,
Всегда побрит, с солдатским тощим ранцем,
В прожжённый старый китель был одет.
Его заочно звали все Афганцем.

Друзья ему желали все: «Держись!
Не унывай! А выглядишь отлично...»
Но пенсии хватало лишь на жизнь,
Которую не назовёшь приличной.

...Минуя перекрёстки всех дорог,
Авто чуть тормознул у магазина.
«Ой, папа, глянь-ка – дяденька без ног», –
Сказал пацан, шагнув из лимузина.

А этот парень со своей семьёй,
Считай, уже объездили полмира.
И не калека для него герой,
Отец для сына с детства был кумиром.

Отец незамедлительно, сейчас,
Мог оплатить его любую прихоть:
Слетать в Париж, снять девочку на час
И в ресторане закусить и выпить.

А инвалид в коляске чуть привстал,
И заметались мысли, как в угаре:
Приехавшего в форде он узнал –
Они служили вместе в Кандагаре.

Он с ним сейчас, наверно, вспомнить мог
Всю правду и побед, и поражений,
Как он в бою тогда лишился ног...
Но лишь смущала разность положений.

Приехавший в те давние года
Был мастер бесконечных разговоров.
Хотя понятно было и тогда,
Что командир он – точно не Суворов.

Он каш не ел, как рядовой солдат,
И в баню не ходил солдатским строем.
В Афгане жизнь на наш советский лад
Он был из тех, кто послан был устроить.

Но непосильным показался груз,
И, как мечтали мы, не получилось.
И рухнул нерушимый наш Союз,
И то случилось с нами, что случилось.

И вот сейчас, наполнив свой пакет
Икрою, водкою и бужениной,
По давешней привычке многих лет
Торопится к друзьям на именины.

Но, вспомнив о калеке у дверей
(А он солдатам был обязан крепко),
И звякнула монета в пять рублей
В армейскую поношенную кепку.

Узнал солдат теперь святую ложь,
За что он пострадал так от талибов.
За пять рублей лишь пуговку пришьёшь,
Как говорится, и на том спасибо.

И, подсчитав свой кепочный доход,
Купил он кильку, хлеб и банку пива.
И в одиночку с мыслью он уснёт,
Что, как и жил, так и умрёт красиво.

Он в этой жизни сделал всё, что мог,
А потому живёт не беспокоясь.
Хоть тяжело лишиться было ног,
Сто раз больней, когда теряют совесть.

Понавесит цепи золотые,
Да брильянты в золотом кольце...
Про себя решит, как при Батые:
Он и бог и царь в одном лице.

Чтоб его понять – танцуй от печки,
Пять минут о жизни потолкуй.
Он такие вывернет словечки,
Тут уж точно – мама, не горюй.

Но меня сильней всего тревожит
Не его тамбовский диалект.
Было бы лицо, а то ведь рожа,
И неандертальца интеллект.

1997 г.

О НЕВЕЖЕСТВЕ

Живём на вновь открытых островах,
Как будто бы среди аборигенов.
У нас царит невежество в умах,
У нас царит невежество в делах,
Не будучи заложенное в генах.

Невежество с ничтожеством родня.
Бывает, что ничтожество в фаворе.
Таких до власти допускать нельзя,
Таких у власти дня держать нельзя.
У нас бывает... Это наше горе.

От нас, людей, зависит всё. Пока
Невежество сильно и многолико,
Пока что ценят силу кулака,
Пока что ценят ёмкость кошелька
И громкость человеческого рыка.

1998 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Расхватал и должности, и званья
Вороватый молодой народ.
И одно их
главное призванье:
«Будь что будет – а деньги идёт».

Мы же их не этому учили.
Всё в пределах человечьих норм.
Получили то, что получили –
Не в коня, как говорится, корм.

Он красиво врёт, как будто пишет,
И от лживых слов меня претит.
И откуда наши нувориши
Нагуляли волчий аппетит?!

Всё у них в почёте: фунты, драхмы,
И рубли, и евро – в тот же ряд.
Говорят, что доллары не пахнут,
Почему же должности смердят?

А порою нас чарует
Их речей болтливых волшебство,
Хоть они воруют и жиরуют...
Но нормальных, к счастью, большинство.

1997 г.

РАЗГОВОР

А нам уж, брат, не встретиться с тобою,
Не выпить,

как случалось, на двоих,
И хоть в семье нас, братьев, было трое,
Но вот один остался я в живых.

Вы умирали строго
по порядку:
Сначала старший брат –
теперь вот ты,
Как тяжело мне, младшему,
в оградку
Класть на могилу скорбные цветы.

Вы лучшей доли в жизни не просили,
Любили степь,
красу карельских рощ.
Гордились вы, что родились в России
И как могли её крепили мошь.

А жизнь вас нагружала до предела.
Вы шли вперёд
совсем не под кнутом
Для вас всегда –
на первом плане дело,
Другое ж оставалось на потом.

Вот ты ушёл.
Нет к старому возврата.
Есть гроб,
 могила, первый белый снег.
Ты для меня был
 справедливым братом,
Для остальных – хороший человек.

8 января 2012 г.

Так сказано давно совсем не мной –
Не миновать могильного порога.
Мы все уйдём когда-то в мир иной.
Мы, грешные, пред совестью и богом.

Определён для каждого свой век –
Кому-то длинный, а кому-то скромный.
Прощай, души добрейшей человек,
Пока живём – тебя мы будем помнить.

А этот факт меня повергнул в шок,
Как перед смертью, на последней фазе...
Приехав в свой родной мне городок,
Я оказался будто на Кавказе.

Всё те же, как и в юности, дома,
Но и чужих названий изобиље:
Люля-кебаб, лаваш и шаурма,
Самса, шашлык, харчо и чахохбили.

Театр абсурда! А финал таков –
Почти во всей России та же драма:
Не видно ни блинов, ни пирогов
И пирожков с капустой, как у мамы...

А может быть, мы разучились печь?
А может, торговать мы не умеем?
А может быть, чтобы страну сберечь,
Пришлось подолгу нам носить шинели?

И почему, никак я не пойму,
Нахальные совсем до неприличья
Навязывают в собственном дому
Нам свои нравы и свои обычья?

Они уж нам не пальчиком грозят...
Пора всем миром в этом разобраться,
Врагам, понятно, – силой нас не взять,
Но тихой сапой «в плен» берут кавказцы.

2007 г.

В этот вечер тихо необычно
Шелестят снежинки за окном...
И под звон курантов мелодичный
Новый год приходит в каждый дом.

Нам сегодня радостно не просто
Потому, что время знает ход.
Мы сегодня поднимаем тосты
За большой, неповторимый год.

Говорят, живёт он под Устюгом
И любому (только лишь свяжись!)
Принесёт подарки он сквозь выногу.
Ну, скажите, чем не коммунизм?!

В коммунизм мы верили когда-то,
Думали по плану он придёт.
Были мы наивными, ребята,
Слава Богу, что не весь народ.

Год прошёл.

Ему, прощаясь, машем,
Каждый своей радостью согрет:
Юноша – на целый год стал старше,
Стал мудрее, но белее дед.

Первый тост – за новогодний праздник!
За любовь и блеск любимых глаз!
Пусть счастливым будет он и разным,
Как и жизнь у каждого из нас.

2001 г.

НЕ УСПЕВАЮ

Ты говорила: «Чем занять
Мне день, не представляю».
А я такую благодать,
Увы, не понимаю.

Стихи почти что не пишу,
Но каждый день и вечер
Спешу, спешу, спешу, спешу –
Бумаги, планы, встречи.

Весна приходит, и опять
Апрель сменяет маем,
Но даже сад перекопать
И то не успеваю.

Хоть это вовсе не к лицу,
О чём я твёрдо знаю, –
Поставить памятник отцу
Я всё ж не успеваю.

Чтоб сделать уйму дел успеть,
Готов не ради шутки
Я и на Марс бы улететь:
Ведь там длиннее сутки.

Сейчас же, Господи, прости,
На милость уповаю,
Друзей хороших посетить
И то не успеваю.

Но в спешке благо всё же есть,
Я это тоже знаю,
Что в спешке бешенной стареть –
Ура! – не успеваю!

2007 г.

МИСС КАПРИЗ

На пороге стояла осень –
Лес окрасился в жёлтых лис...
Было девочке лет семь-восемь,
Дед прозвал её мисс Каприз.

По обычаям нашим древним
Любят дедушек малыши,
Отдыхала она в деревне,
В бездорожной нашей глуши.

Здесь дитя городских привычек
Новый мир открыла себе:
Избу без замков и отмычек
С рукомойником на столбе.

Она дедушку обожала,
Была рада ему помочь,
К роднику за водой бежала,
Землянику в саду сажала
И Жданку поила на ночь.

Но однажды, дедка ошарашив,
Озадачила – будь здоров:
«Надоели, дедушка, каши,
Хочу бабиных пирогов».

И совсем уже мир порушив –
Это деду не по плечу:
«Не хочу я яблоки, груши,
Я бананы, деда, хочу».

«А где же тут купишь бананы?
И год уже бабушки нет...»
Но ей показался он странным,
И даже обидным ответ.

Дед слёзы прощальные вытер,
Без обиды взглянувши вниз...
...К сентябрю улетела в Питер
Второклассница мисс Каприз.

ПОДРУЖКИ

Они в одном учились классе.
Один их коллектив учил...
И лишь сейчас на школьной трассе
Бал выпускной их разлучил.

В красивых платьях после бала
Они гуляли вдоль села.
Хоть были равными их баллы,
Но участь разная была.

У них возникла заморочка
От произошедших перемен.
Ведь у одной мать – одиночка,
Отец подружки – бизнесмен.

Не в силах мама-санитарка
В Москве студентку содержать...
И разошлись пути товарок –
Им курс на разное держать.

Хоть не была она дурнушкой –
Волна кудряшек по плечам,
Но часто девичья подушка
От слёз влажнела по ночам.

Не суждено ей, деревенской,
В деревне принца отыскать.
Не быть ей Софьей Ковалевской
И Ломоносовым не стать.

Иная жизнь, иной достаток
Их разлучит, как городьба,
А может, лет через десяток
И встретятся.
Ну что ж – судьба.

МУЗЕ

Всегда была ты, музя, разной.
Как кровь – красна, как снег – бела.
То, как старуха, безобразна,
То мисс Изящество была.

Какие бы ни были напасти,
По бездорожью ты брела...
Всегда с народом.
Но а с властью
Ты не в ладах всегда была.

В содружестве пера и шпаги
Рейхстаги вражьи ты брала.
С народом гибла ты в Гулаге
И средь расстрелянных была.

Всегда, ни при каком угаре,
Ты не теряла, музя, честь.
И будь ты в славе иль в опале,
Ты не теряла, музя, честь.

И я за это благодарен,
Что ты была такой и есть.

Александру Кензину

Писать стихи нам не обуза,
И, что уж ты ни говори,
Нас с детства захватила музा,
Избрав себя в поводыри.

Она – капризная девица
И даже, кажется, княжна,
То ей идея не годится,
То тема не совсем важна.

А ты потей, а ты кумекай,
Как ей, упрямой, ублажить.
С тобой мы не откроем Мекку.
И не укажем, как всем жить.

Но не мешало бы при этом
Не славить власть, а чтить народ.
И, как положено поэтам,
Всегда смотреть чуть-чуть вперёд.

Коль мы сроднились с музой лично,
Считай, до смерти, до конца,
Пиши, что думаешь привычно!
Не потеряй в стихах лица.

ПАМЯТИ КОНТР-АДМИРАЛА А.М. СТЕПАНОВА

Не могу я уйти от печали,
С его смертью свет белый померк...
Для кого было слово вначале,
Для меня – был всегда человек.

Человек не былинного склада,
И не сажень косая в плечах.
Просто жизнь свою прожил как надо,
Не греша,
 не ворча,
 не крича.

И, презрев лизоблюдство и мерзость,
Лёг в могилу, как вечный гранит.
Вот такие Россию и держат,
На таких вот Россия стоит.

ДАЧНИЦА

Она с заплечной котомкой
По дачной улице брела.
В руке – ведро, в другой – кошёлка,
В них всё, что с грядок набрала.

Шагов пятьсот до перелеска
Ей до автобуса брести,
Чтоб к скромной пенсии довесок
Успеть на рынок отнести.

...Крылом тяжёлым мерседеса
Едва старушку не снесло.
Чуть различим шофёр-повеса
Сквозь затемнённое стекло.

Владелец, видно, правил «строгих»:
Слов извинений не сказав,
Как вихрь умчался по дороге,
Оставив только пыль в глазах.

Быть может, ей и показалось:
Шофёр – воспитаник её,
Хоть после выпуска немало
Прошло. Да и житьё-бытьё...

За сорок лет своей работы
(А детский сад ей был как дом)
Её воспитанников фото
Скопилось не один альбом.

Вот паренёк танцует в паре,
Вот выпускник, счастливый весь...
Казалось, умный будет парень.
Откуда же такая спесь?

Откуда это? С перепугу?
Иль дух и скорость перемен?
Не потому ли, что в округе
Он всем известный бизнесмен?

Итог всех умственных усилий
Свелся к вопросу одному:
Иль плохо мы детей учили,
Или учили не тому.

Анатолию Седову

А мы, как пуля – на исходе,
Ни скорости, ни силы нет...
Друзья-товарищи уходят,
Как говорится, на тот свет.

Хоть мы с тобой не суеверны,
Но коль предложат: «Выбирай!»,
То рай мы выберем, наверно,
Не зная, что такое рай.

Мы не видали райских кущей,
Познав одно наверняка –
Лишь только б были щи погуще,
Да поувесистей рука.

А мы ли в этом виноваты
По нашей русской простоте,
Что сделали страну богатой,
А умираем в нищете?!

2007 г.

Мозаика

*(эпиграммы, экспромты,
ожелания)*

*Поздравление коллеге и другу
И.П. Колоскову по случаю 60-летия*

Довелось Иванычем мне зваться,
Мы, Иван, с тобой почти в родстве.
Разреши в любви тебе признаться
Здесь, на юбилейном торжестве.

Помогло ещё одно нас сблизить,
Две реки у нас с тобой в судьбе:
Ты родился на Большом Иргизе,
Вырос я на Малом Узене.

В глубине России наши корни.
И секрета в этом вовсе нет –
Ведь державу стережёт и кормит
Рус Иван, считай, уж тыщу лет.

Нет секрета в этом никакого,
Так у нас давно заведено.
Петербург и поле Куликово
Выросли на косточках его.

И, признаться (как это ни странно!),
Под забыли имя мы слегка:
Редко, где ты с именем Ивана
Встретишь по Союзу мужика...

То Марат, то Эдуард, то Гелий,
Ромуальд (о, бедный наш язык!)...
Будто он с рождения уж гений,
Вешают им имя, как ярлык.

Так случилось в ломке всенародной...
А за этим лишь простой секрет:
Дескать, и звучит неблагородно,
И вождей среди Иванов нет...

Не хочу других имён ославить,
Не хочу удариться в обман,
Вместе с Максом, Виктором и Валей
Пусть живёт и здравствует Иван!

Июль 1987 г.

*A.M. Воробьёву,
поэту*

Я сорок лет был с ним знаком,
Но лишь в одном он изменился:
Всю жизнь чирикал воробьём,
А нынче соловьём заился.

ШУТОЧНОЕ

Коль так случится – первый ты
Сойдёшь в тот дом немилый,
Я принесу тебе цветы
На свежую могилу.

Но если в этой череде
Мне быть случится первым,
Не сокрушайся обо мне:
Всего дороже нервы...

Ты, как мальчишку, побалуй,
Узная об утрате.
Пошли воздушный поцелуй
И этого мне хватит.

*На трагическую смерть
Юрия Бугрова,
первого мэра г. Балаково
и моего бывшего ученика*

Быть первым трудно – это ясно.
И жизнь твоя – тому пример.
И всё ж она была прекрасна,
Наш первый, самый первый мэр.

Нет, не узнаем мы причину,
Но я усвоил хорошо:
Ты не сгибал пред силой спину
И так несогнутым ушёл.

И дай нам Бог, чтоб мы сумели
В непредсказуемом году
Не смирно умереть в постели,
А по-бойцовски, на ходу.

Александру Федулову

Не по годам о человеке судят
И не по лживой седине волос,
А по тому, что дал он в жизни людям.
Тебе, дружище, это удалось.

Мы двадцать лет с тобою были вместе.
Хоть нет у нас мозолей на руках...
Живи сто лет! А лучше – если двести.
И коль не сам – в своих учениках!

Николаю Пузанкову

Жизнь быстротечна в век наш зыбкий,
И неизвестно, что в конце...
Ты умер, как и жил, с улыбкой
На изменившемся лице.

Не злость или гримаса боли
И не отчаяния крик...
Кому ты улыбался, Коля,
В тот самый свой последний миг?

Что ты увидел в час последний –
Жену, друзей или внучат?
Иль улыбнулся ты на сплетни,
Которые порой звучат?

Как быстро мы пороки судим,
И приговор неумолим.
И жаль, что доброе о людях
Лишь после смерти говорим.

Чтим тридцатые, сороковые,
Но об этом забывать не сметь! –
Бериевские псы сторожевые –
Тройки, осуждавшие на смерть.

Я тешусь мыслью одной –
Мои стихи хоть что-то значат...
И что в стране моей родной
О павших жертвах тоже плачут.

О людях не судите строго,
Живите, не познав вражды,
Ведь жизнь у каждого – от Бога,
Ну, а вернее – от судьбы.

Людмиле Мельниковой

Прочтя стихи, мне крикнуть хочется:
«Долой тоска и муки голоса!
И Вам ли тосковать от одиночества?!

С Вас портреты писать Репину хочется».

*Прощальное слово
В.А. Бубнову, земляку*

Ты жизнь свою прожил достойно
И честно, вопреки судьбе.
Прощай, земляк! И спи спокойно.
Мы будем помнить о тебе.

Для всех была обычной ты девчонкой,
А для меня ты – женский идеал.
Хоть наша связь была, как нитка, тонкой,
Но я всю жизнь тебя не забывал.

Я помнил о тебе зимой и летом,
И редких встреч мельчайшие штрихи.
И главные свидетели при этом –
Печальные, как исповедь, стихи.

*И.С. Козыревой
в день рождения*

Она всегда чарует нас
Кусочком прозы...
Психологический рассказ –
Её серьёзный козырь.

Она не лезет напролом,
Житейских дней удачница.
Владея мастерски пером
И тяпкою, как дачница.

*М.Я. Пономарёву,
который стал
первым заслуженным
художником РФ в Балакове*

Уже полвека ты в строю:
Мольберт, резец, треножник...
И потому я говорю:
«Ты – истинный художник».

Занял достойный пьедестал
По праву и по силе –
Ты в Балакове первым стал
Заслуженным в России.

11 января 2011 г.

*Алексею Степанову,
контр-адмиралу в день 71-летия*

На нелёгкой жизненной стезе
В нашей жизни всякое бывает.
Выбираем сами мы друзей –
Это матерей не выбирают.

Вам и поздравленья, и признанья...
Но вот в этом я не согрешил:
Выбирал друзей я не по званью,
Только по велению души.

Тот, кто шёл со мной, не зная брода,
Кто своей свободой дорожил,
Бескорыстно кто служил народу
И достойно жизнь свою прожил.

Октябрь 2014 г.

*Александру Наумову,
поэту, композитору*

Ты другом был юнцам и ветеранам,
Ты вдохновенно пел... И вот уже затих.
У нас таланты умирают рано.
И ты не исключение из них.

27 октября 2012 г.

*Геннадию Сухарю,
коллеге*

Ты хотя и Сухарь,
Но известный ухарь...
И с девчонкою вдвоём
Не бываешь сухарём.

*A.B. Михину
на презентации книги «Черта»*

Он знал в лицо волков и зайцев,
Охотничий был долг век.
Известный в городе прозаик
И просто добрый человек.

И.В. Караваеву

Ты, Игорь, всюду узнаваем,
И затруднений в этом нет:
Лишь только скажешь – Караваев –
Все знают – воин и поэт.

*A.A. Макиенко, писателю,
на творческом вечере
«Балаковский обалдуй»*

Стихов – не на одну тетрадку,
Хоть не Высоцкий ты, не Цой...
И также режешь правду-матку,
Как те ребята, с хрипотцой.

Живёшь, как джин, непредсказуем,
С готовой пулей у виска.
Быть лучше просто обалдуем,
Чем молчаливым, как треска.

*Памяти О.Н. Якушевой,
поэтессы*

Мы все уйдём когда-то в мир иной,
Когда – не знаю. Все поодиночке.
Кто удивит наследством шар земной,
А кто – оставив на бумаге строчки.

Ты среди тех, кто денег не скопил,
Ты среди тех, кто никогда не врали.
Ты родилась, чтобы писать стихи,
Стихи такие, что за душу брали.

Ты – мисс Изящество от рук и до бровей
И эрудит среди беседы светской.
И хоть была ты питерских кровей,
Была простой, но не была простецкой.

Не раньше, не в последние года
Не слышали мы плача Ярославны...
Как поэтесса с нами навсегда
Останешься ты, Ольга Николаевна.

Июль 2013 г.

*Евгению Запяткину,
на презентацию книги*

Ты наступил Москве на пятки
И воспарил аж до небес...
Не Бог какой-то, а Запяткин,
А если кратко – просто Зевс.

Декабрь 2017 г.

Увядает листва на берёзах,
Ждёт дождя мелколистный вяз,
И опять неутешны прогнозы –
Вновь за сорок, жара, как сейчас.

Как будто солнце закатилось,
И чёрным стал весь белый свет,
Когда узнал я, что случилось, —
Тебя на свете больше нет.

Дороже нет тебя и ближе,
Оборвалась всей жизни нить...
Как без тебя теперь мне выжить?
И не писать, и не звонить.

Он регулярно ей цветы носил,
Она их принимала равнодушно.
Когда о встречах он её просил,
Они встречались холодно и скучно.

Ко мне недруги строги,
Только дело не в них...
Подвожу я итоги
Лет немалых своих.

Воевал я до сшибу
И порою спешил.
Не прожил без ошибок –
Я с ошибками жил.

Седина – не помеха.
Я о том не тужил,
Что уж прожил полвека,
Как мгновенье прожил.

Жизнь – дорога сквозная.
И на что мне пенять?
Пусть ханжи это знают –
Им меня не понять.

Меня рок не обидел,
Мой завиден удел –
Я поэзию видел
Среди будничных дел.

И не ради, чтоб дразнить,
Я об этом скажу:
Каждый день, как на праздник,
На работу хожу.

Я хочу, если хватит,
В этой жизни суметь
Умереть не в кровати,
На ходу умереть.

И надеяться вправе
На краю бытия,
Может, что-то оставлю
Добрым людям и я.

1 апреля 1986 г.

РАЗГОВОР С АКСАКАЛАМИ

(отрывки из неоконченной поэмы)

1.

Вождь как царь. В них нет почти различья
(Как косого ливня от дождя).

А не вы ль почти до неприличья,
Как богам, вы верили вождям?

...Обещал народу вождь построить
Коммунизм в двадцатилетний срок.
И никто не встал и не поспорил,
Сделав, как солдат, под козырёк.

А не вы ль бездумно по Союзу,
Только вождь суждение изрёк,
Стали сеять всюду кукурузу,
До Печоры аж... Под козырёк...

Не его ль вы богом величали,
Истиной – что он бы ни изрёк,
И не вы ль ему «Ура!» кричали,
Как солдаты, взяв под козырёк.

Что же вы тогда стеной не встали,
Услыхав в известьях новостных:
За понюшку русский Крым продали,
Как когда-то раньше крепостных?..

2.

Треть мира шла по нашему пути.
Но не сбылось, чего мы так хотели.
И встал вопрос: «Куда же нам идти,
К мифической или реальной цели?»

У нас другой альтернативы нет:
Всегда, ещё от права крепостного,
Поэт в России больше, чем поэт.
А власть боится праведного слова.

Опять, ребята, всё у нас не так,
Мы наступаем всё на те же грабли...
Как Пушкин, был унижен Пастернак,
И под расстрел пошёл романтик Саблин.

Народу правду он сказать хотел,
Но власть с ним обошлась, как власть,
по-скотски...

Твардовский оказался не у дел.
С петлёй на шее песни пел Высоцкий.

Условно главным был рабочий класс,
Но нами правили без канители.
А наверху не слышен голос масс,
Вернее, нас там слушать не хотели.

А может быть, мы строили не то?
А может быть, ошиблись эталоном?
Скромна была мечта: купить авто
Или прожить в достатке, без талонов.

В верхах отбились многие от рук...
Мы срамом навсегда Союз покроем,
Когда генсек и бывший политрук
Стал вне войны четырежды Героем.

Где нашему движению исток?
Мы по наитию шли, как волк, на запах.
Как предки, мы молились на восток,
А кто бежал, то, как всегда, на запад.

От правды ли, от кривды – всё равно
Союз расколот, как арбуз, на части.
Вы покажите мне хоть одного,
Кто поднял палку для защиты власти.

Вы покажите мне хоть одного,
На амбразуру чтобы, как Матросов,
Тогда на площадях, а не в кино
Героев не нашлось среди партбоссов.

Знакомый мой партбосс весь поседел.
Был вечный завотделом пропаганды,
Генсеков наших всех пересидел
И всех вождей от Ганы до Уганды.

Он – аксакал, но грош цена его:
Ведь он молчал, когда сгущались тучи...
И не имел он мненья своего.
Когда имел – не смел его озвучить.

Он не любил углов, любил овал
И не умом, а рвением отличался,
И грязью эксгенсеков обливал,
Едва другой на пьедестал взбирался.

Он до конца готов свой крест нести:
Ведь всё делили по большому счёту,
Любой завмаг был у него в чести
И выборы без выборов в почёте.

Он делал всё, чтоб сто процентов «за»,
И всё внушал, что вместе власть и люди.
Ведь власть не любит, правду чтоб в глаза,
И правдолюбцев тоже власть не любит.

...Власть сокрушил народный гневный вал
И выбросил, как старую игрушку.
Наверно, кто-то кресло потерял,
А многих оторвали от кормушки.

Я против, чтоб опять в умах застой,
Чтоб возвратились старые порядки,
Чтоб ездить вновь в Москву за колбасой
И в партию вступать по разнарядке.

Я не хочу, чтоб снова на земле
Жизнь проросла по старому лекалу.
И чтобы снова правили в Кремле
Дремучие, как горы, аксакалы.

3.

Хоть и было трудно, но ни разу
Перед правдой я не согрешил.
Не писал стихи я по заказу –
Только по велению души.

А моя душа всегда с народом,
С ним страдал я, жил и шёл на риск.
С тем, кто отстоял мою свободу,
Комсомольск кто строил и Норильск.

Кто в шинели и тюремной робе,
Кто был красным, кто был цвета беж,
Ктотонул в селе зимой в сугробе
И невыездным был за рубеж.

Я всегда был с тем, кто против чванства,
Я всегда был с теми, кто был смел,
Вопреки карьере и начальству
Кто своё суждение имел.

Вы уж власть бездумно не пинайте,
Я, по правде, тоже ей не рад.
Лучше свою пенсию сменяйте
На отцовскую. Он тоже был солдат.

4.

Не вам досталась боль обмана
И подточила нас, как ржа.
Не вы глотали пыль Афгана,
Не вы терпели брань пражан.

Не раз пытались взять нас силой,
Но что уж тут ни городи,
Такого не было в России,
Чтоб враг до Волги доходил.

Для россиян свобода – знамя,
А пасть за знамя не вопрос.
Ещё до вас «Москва за нами!»
Лихой полковник произнёс.

В России это всё обычно,
Как снег, как летний шум дождя, –
Служить Отечеству привычно,
Отечеству, но не вождям.

Мы много наций обласкали
И помним прадедов наказ.
...Кавказом правят аксакалы,
Но ведь Россия не Кавказ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

«Жизнь – как мгновенье, скоротечна...» 5

ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

«Богиня скромной красоты...»	7
Берёзка	8
Грустные стихи	9
Под дождём	10
Негр	11
«Я свято сохранию воспоминанье...»	13
Студенческая любовь	14
Баллада о красной косынке	15
На концерте	17
«Горячую, до ярости...»	20
Николка (поэма)	21

ДЕРЕВНЯ МОЯ

«Нас почему-то тянет всех в деревню...»	44
На родине	45
Зеленовка	47
Наследство	49
Речка Малый Узень	51
Петухи	55
Ностальгия по деревне	57
Деревни стон	59
«Простые деревенские ребята...»	60
Ода даче	61
Гимн землянике	64
«Прозрачен близкий перелесок...»	65
Жара в степи	66

«Ну вот и поставлена точка...»	67
«Всю жизнь я сравниваю с детством...»	69
«Здесь деревянные кресты...»	71
«В войну мы, пацаны, взрослели рано...»	72
Из воспоминаний детства	74

О ЛЮБВИ

Алла	76
«Мы не ловили их у подворотни...»	78
Осенью	79
«В этом есть особенная прелесть...»	80
Подъезды	81
Ромашки	82
«На тебя молюсь, как на икону...»	83
«Без свидетелей мы обвенчаны...»	84
«Ты мне лишнего не говорила...»	85
«Свадьба комсомольская... Всё просто...»	86
Единственная	88
Сирень	89
«Благодарю я этот вечер...»	90
С работы вечером	91
Фигуристка	92
Цветочница Женя	93
Взаимная любовь	94
«Я помню всё: и сонную речонку...»	95
«Цвела сирень в саду заброшенном...»	96
«Я свято сохраню воспоминанье...»	97
Долина роз	98
Поют соловьи	99
«В её глазах такая тайна...»	100
«Ты как белая лилия...»	101
Песня	102
На Волге	103

Письмо	105
Наши жёны	107
Красные пионы	108
Одна	110
«Июльским вечером прибой...»	111
«Будут помниться долго-долго...»	112
«Такие встречи очень редки...»	113
Ностальгия	113
Мороз в городе	115
«За речкой золотая осень...»	116

ЭХО ВОЙНЫ

«В моей родне военных было мало...»	118
Сын России	119
Солдатская ушанка	121
Убили	123
Похоронка	125
Имя на стене	127
«Война давно уж за плечами...»	128
«Там скалы грозные, как сфинксы...»	129
Упрёк	130
Плач матери	131
Дети войны	132
«Лицо суровое войны...»	134
За нас с тобой	135
У Вечного огня	136
Монолог без вести пропавшего воина	138
Баллада о втором рождении	140
О наградах	142
Потомки Сусанина	144
Бессмертный полк	147
Ветеран в школе	148
Марш «Прощание славянки»	150
Такой народ не будет побеждён	151

ИСТОРИЮ СТРАНЫ ПЕРЕЛИСТАВ

Признание	154
Разговор начистоту	155
По фактам я историю учил	157
«Всех наших дел тяжеловесный груз...»	161
«В глухой тайге под Магаданом...»	162
Гулаг	163
«Опять Россия на распутье...»	165
Георгиевская лента	166
«Он в жизни не был в ресторане...»	168
Памяти Евгения Евтушенко	169
Три богатыря	170
Тroe	173
Ровеснику	176
Мои ученики	179
Парни	181
Каменщики	182
Маляры	184
«Каблуки стучат по тротуару...»	185
Космонавты	186
«Мы родились с тобой в апреле...»	188
Воспоминания о студенческой юности	189
Встреча	192
«Богатым людям трудно умирать...»	199
«У храма стоят мерседесы...»	200
«Пирамидки звёздные окрест...»	201
Да, мы ушли	202
«Он был убит в Чечне мятежной...»	204
Звезда и крест	206
«Забыли мы...»	208
Кулак	210
Услышь, что народ говорит	213
«Ты цветы степные и травинки...»	214
Раки	216

Верю только делам	218
«В тишине за дверьми парадными...»	220
«Зина кончила девять классов...»	222
Размышления мужчины, которому за 70	224
Афганец	225
«Понавесит цепи золотые...»	228
О невежестве	229
Размышления старого учителя	230
Разговор	231
«Так сказано давно совсем не мной...»	232
«А этот факт меня повергнул в шок...»	233
«В этот вечер тихо необычно...»	234
Не успеваю	236
Мисс Каприз	238
Подружки	240
Музей	242
«Писать стихи нам не обуза...»	243
Памяти контр-адмирала А.М. Степанова	244
Дачница	245
«А мы, как пуля – на исходе...»	247

МОЗАИКА (эпиграммы, экспромты, пожелания)

«Довелось Иванычем мне зваться...»	249
«Я сорок лет был с ним знаком...»	250
Шуточное	251
«Быть первым трудно – это ясно...»	252
«Не по годам о человеке судят...»	253
«Жизнь быстротечна в век наш зыбкий...»	254
«Чтим тридцатые, сороковые...»	255
«Я тешусь мыслью одной...»	255
«О людях не судите строго...»	255
«Прочтя стихи, мне крикнуть хочется...»	256
«Ты жизнь свою прожил достойно...»	256
«Для всех была обычной ты девчонкой...»	257

«Она всегда чарует нас...»	257
«Уже полвека ты в строю...»	258
«На нелёгкой жизненной стезе...»	259
«Ты другом был юнцам и ветеранам...»	260
«Ты хотя и Сухарь...»	260
«Он знал в лицо волков и зайцев...»	261
«Ты, Игорь, всюду узнаваем...»	261
«Стихов – не на одну тетрадку...»	262
«Мы все уйдём когда-то в мир иной...»	263
«Ты наступил Москве на пятки...»	264
«Увядает листва на берёзах...»	264
«Как будто солнце закатилось...»	265
«Он регулярно ей цветы носил...»	265
«Ко мне недруги строги...»	266
Разговор с аксакалами (отрывки из неоконченной поэмы)	268

Виктор Иванович Уполовников

Сборник стихотворений

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Редактор С.А. Александров

Дизайн, вёрстка Г.Р. Кармашова

Корректор Е.Ю. Сперанская

ISBN 978-5-6041371-7-8

9 785604 137178

Подписано в печать 04.07.2018 г.

Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,28. Тираж 270 экз.

Заказ № 597-18/04078.

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

